

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА.

I.

ВЪ ИСХОДѢ сороковыхъ годовъ я жилъ съ покойнымъ отцомъ въ Петербургѣ, на бывшей Госпитальной улицѣ. Теперь она называется какъ-то иначе. Улица была захолустная, застроенная ветхими деревянными домами въ одинъ этажъ. Два или три каменныхъ дома не скрашивали ея. Улица шла отъ Загороднаго проспекта къ Обводному каналу и Семеновскому плацу. За Обводнымъ каналомъ не было зданій, а на Семеновскомъ плацу—пыльная пустыня. У Загороднаго проспекта стояла маленькая станція Царскосельской желѣзной дороги, а къ Обводному каналу высился валъ и стояли мишени: здѣсь солдаты учились стрѣлять—плохо стрѣляли; наѣзжали и ругались сердитые генералы. По утрамъ бывали ученія, маршировки, равненіе рядовъ, тихій учебный шагъ и... неизбѣжныя экзекуціи, если качнулось ружье во время марша, разстроилось равненіе и тому подобное. Командиры опять же скверно ругались. Но это было въ обычаѣ того времени.

Спрашиваю разъ отца: зачѣмъ бьютъ солдатъ за ошибки въ маршировкѣ, за нарушеніе красоты рядовъ и качанье ружьемъ на ходу? Помогаетъ это на войнѣ?

Отецъ мой былъ серьезный, пожилой человѣкъ. Онъ усмѣхнулся на мой наивный вопросъ и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, на войнѣ маршировка, тихій учебный шагъ, выравниваніе рядовъ бесполезно.

— Тогда зачѣмъ же бьютъ солдатъ?

— Трудно сказать, зачѣмъ? Вѣроятно, согласно пословицѣ, что за одного битого даютъ двухъ не битыхъ.

Отецъ, очевидно, шутилъ. Помолчавъ, я поставилъ ребромъ вопросъ:

— Если правда, что за одного битого даютъ двухъ не битыхъ, то почему же ты никогда не бьешь меня?

Отецъ не наказывалъ меня. Я тогда приготавлился къ экзаменамъ въ Морской корпусъ,—плохо приготавлился. Не то, чтобы я былъ лѣнивъ или тупъ, но меня одолѣвала страсть къ чтенію. По утрамъ отецъ, имѣвшій частныя работы (онъ въ какомъ-то учебномъ заведеніи преподавалъ математику), уходилъ изъ дому, а я сейчасъ же бросалъ учебникъ и принимался за чтеніе. У меня имѣлись «Арабскія сказки»—старое изданіе въ восемнадцати томахъ, теперь оно—библіографическая рѣдкость; «Путешествіе на сѣверъ», много романовъ. «Черная женщина» Греча, «Выжигинъ» Булгарина, «Таинственный монахъ» и разныя московскія книжки, включительно до «Битвы русскихъ съ кабардинцами, или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего супруга». Но путешествій было больше всего. Библіотеку свою я пополнялъ изъ книжныхъ ларьковъ на старомъ толкучемъ рынкѣ, что былъ тогда у Чернышева моста. Знакомый сѣдобородый мужичекъ, Кузьмичъ, позволялъ мнѣ рыться въ его книжномъ хламѣ, затѣмъ облюбованную книгу или мѣнялъ съ небольшой копеечной придачей на уже прочитанную мною, или же продавалъ за двадцать-тридцать копеекъ, рѣдко за полтину. Но если бралъ полтину, на примѣръ, за томъ Дюмонъ Дюрвиля, то добросовѣстно принималъ обратно прочитанный томъ въ сорока или тридцати пяти копѣйкахъ.

Боже мой! сколько я, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, перечиталъ всякой всячины за это время.

— Читай, читай!—говаривалъ мой отецъ, въ особенности одобряя чтеніе путешествій.—Надо развивать воображеніе. Человѣкъ безъ воображенія—тупица.

Мы нанимали двѣ меблированныя комнаты у чиновника Трескина, горькаго пьяницы, вѣчно воевавшего съ женою, не дававшей ему денегъ на пропой. У нихъ было двое дѣтей: мальчикъ Коля, золотушный, почти идіотъ, и дѣвочка Оля—милая, уменькая, хорошенькая; съ голубыми глазками—моя подруга и предметъ первой дѣтской, чистой любви. Я былъ мальчикъ не веселаго и не игриваго характера. Съ Олей мы часто ходили на Обводный каналъ, тогда совершенно пустынный. Тамъ росла густая трава, зеленѣли березки, что очень намъ было по душѣ. Трескинъ часто приносилъ изъ департамента нумера въ ту эпоху очень популярной «Сѣверной

Пчелы». Я охотно прочитывалъ болгаринскую «Пчелку», игривый, ве-
дливый своего рода остроумія фельетонъ.

— Булгаринъ великій писатель?—спрашивалъ я отца.

Онъ улыбался въ отвѣтъ.

— Нѣтъ, Ѳаддей Венедиктовичъ не великій писатель.

— «Пчелки» его хороши?

— Иногда. Но я тебѣ дамъ прочесть повѣсть дѣйствительно великаго писателя.

И отецъ принесъ мнѣ «Капитанскую дочку» Пушкина. Боже мой! въ какой восторгъ она привела меня. Впечатлѣнія болгаринской «Пчелки» поблѣднѣли. А когда мнѣ послѣ пришлось прочесть «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», я совершенно разочаровался въ Булгаринѣ.

II.

И, однакоже, Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ былъ первый литераторъ, котораго мнѣ довелось увидать. Мы съ отцомъ какъ-то гуляли по Семеновскому плацу, ожидая прихода поѣзда. Локомотивъ съ длинною вереницею вагоновъ, шибко бѣгушій по рельсамъ и выбрасывающій клубы чернаго дыма, былъ въ тѣ поры диковинкою. Сѣзжались даже нарядныя дамы въ экипажахъ къ приходу поѣздовъ. Отецъ, по возможности, объяснялъ мнѣ силу пара и механизмъ локомотивовъ. Я ему вѣрилъ, но относительно устройства паровозовъ и силы, ими двигавшей, имѣлъ особое понятіе. По моему убѣжденію, въ желѣзномъ ящикѣ локомотива сидѣлъ чортъ. Нѣмецъ-машинистъ билъ его раскаленною желѣзною кочергою и заставлялъ вертѣть колеса. Чортъ злился и кричалъ.

Оля, которой я излагалъ мою теорію локомотива, задала мнѣ какъ-то такой вопросъ:

— Если нѣмецъ-механикъ мучить бѣднаго чорта и бьетъ его, почему сильный чортъ не разорветъ своей тюрьмы и не убѣжитъ?

Но казусный вопросъ все же не смутилъ меня. Подумавъ, я такъ извернулся:

— Ящикъ паровоза окропленъ святой водою самимъ митрополитомъ, и никакой чортъ, какъ бы онъ ни былъ силенъ, изъ него не прорвется. Святая вода его обезсиливаетъ.

Оля говорила мнѣ:

— У насъ одна желѣзная дорога въ Царское Село. Почему не строить дороги въ Москву? У меня тамъ живетъ добрая тетя Анна. Я бы туда поѣхала.

— Ахъ, Оля! какъ ты этого не понимаешь,—резонировалъ я.— Ну, выстроить дорогу до Москвы. А откуда взять паровозовъ? Надо будетъ наловить много чертей. Не такъ это легко, Олечка.

И Олечка слѣпо мнѣ вѣрила и крестилась, когда, свистя и гро-
мкая, подходилъ паровозъ.

Но возвращаюсь къ моему знакомству съ Булгаринымъ. Мы съ отцомъ, какъ я уже выше писалъ, прогуливались по Семеновскому плацу, въ ожиданіи прихода поѣзда. Впереди, у самаго барьера желѣзнодорожнаго пути, стоялъ средняго роста господинъ въ полосатомъ, гороховаго цвѣта пальто, изъ котораго виднѣлись толстыя, какъ тумбы, огромныя ноги. На головѣ у него была сѣрожелтая фуражка блинкомъ.

— Да это Булгаринъ,—сказалъ мнѣ отецъ.—Ты любишь читать его «Пчелки». Пойдемъ, я тебя съ нимъ познакомлю.

Сердце мое усиленно забилося. О литераторахъ тогда я имѣлъ очень высокое понятіе. Это были, по моему наивному убѣжденію, люди особаго геніальнаго пошиба, а Булгаринъ, ежедневно писавшій цѣлый большой листъ (я думалъ тогда, что въ газетѣ пишетъ все самъ редакторъ), былъ, конечно, умница между умницами. Булгаринъ встрѣтилъ отца дружелюбно, какъ стараго знакомаго, попрекнулъ, что тотъ не заходитъ къ нему, а меня погладилъ по головѣ.

— Ты куда его готовишь?

— Въ морской корпусъ,—отвѣтилъ отецъ.—Только плохо готовится. Обуяла страсть къ чтенію.

— Это хорошо. Пусть его читаетъ. Почему, однако, готовишь сына непременно въ морской корпусъ!

— Не хочу, чтобы онъ сдѣлался чиновникомъ-чернилопроливцемъ и казнокрадомъ; не хочу чтобы онъ превратился въ плантатора. Въ Вѣлоруссіи у меня сестра владѣетъ имѣніемъ, многими человѣческими душами. Если сына не отдамъ въ корпусъ, она потребуетъ его въ деревню, воспитаешь по своему и сдѣлаешь мужикодавомъ.

Булгаринъ улыбнулся.

— Ого, другъ Христофоръ! ты не мѣняешься и такой же либераль, какимъ былъ въ двадцать пятомъ году.

— Зачѣмъ мѣняться мнѣ? Вотъ ты такъ сильно перемѣнился.

Улыбка пропала съ лица Булгарина.

— Ты съ Дуббельтомъ незнакомъ?

— Разумѣется, незнакомъ.

— То-то же! А я, какъ издатель газеты, по необходимости знакомъ. Ну, и то, во что вѣрилъ въ двадцать пятомъ году, прячу подалше.

Отецъ съ Булгаринымъ былъ на «ты» и, сколько могу судить по отрывку приведеннаго разговора, отецъ былъ знакомъ съ декабристами. Но объ этомъ онъ никогда ничего мнѣ не рассказывалъ.

Я хорошо рассмотрѣлъ Булгарина. У него была голова, напоминавшая формою тыкву, толстое лицо, большой носъ и маленькіе, живые черные глаза. Таліи нельзя было замѣтить; все было у него ровно, даже животъ не выдавался; коротенькія руки походили на

обрубки. Онъ имѣлъ привычку прятать ихъ въ карманы своего гороховаго пальто. Услыхавъ о моей страсти читать, Ѳаддей Венедиктовичъ одобрительно качнулъ головой и замѣтилъ:

— Читай, малецъ, читай. Вырастешь—будешь писателемъ. Да, я тебѣ, Христофоръ, предсказываю: сынъ твой будетъ писателемъ.

— Избави, Господи!

— Почему же? Писатели—свѣточн въ народѣ.

— Да, такіе, какъ Пушкинъ или Гоголь, а мелкотравчатые—пустые люди. У тебя много такихъ околачивается. Скажу по совѣсти: чего они стоятъ? Пусть лучше сынъ мой будетъ морякомъ, увидить свѣтъ широкій и не изъ петербургскаго только быта.

Улыбка снова появилась на мясистыхъ губахъ Булгарина.

— Будучи морякомъ, онъ можетъ быть и писателемъ. Такъ-то, друже Христофоръ!

— И познакомится съ Дуббельтомъ.

— Дуббельтъ не вѣченъ, а литература—вѣчна. Кто знаетъ, что дастъ намъ будущее.

Отецъ ничего не отвѣтилъ. Мы ушли, а Ѳаддей Венедиктовичъ предрекъ мнѣ судьбу, напутствуя словами, что я непремѣнно буду литераторомъ.

III.

Вторымъ писателемъ, котораго я видѣлъ, былъ довольно извѣстный польскій поэтъ Ѳома Занъ—другъ Мицкевича. Отецъ мой умеръ отъ холеры въ 1848 году. Въ морской корпусъ я не поступилъ. Какъ отецъ предсказывалъ, такъ и случилось: тетка меня вызвала изъ столицы и отдала въ витебскую гимназію. Когда-нибудь я расскажу про порядки тогдашнихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Плохіе педагоги плохо насъ учили, а воспитывать—совсѣмъ не воспитывали. Ученики—сынки дворянъ-помѣщиковъ—переползали изъ класса въ классъ, благодаря приватнымъ урокамъ у разныхъ педагоговъ. На экзаменахъ такимъ привилегированнымъ заранѣе было извѣстно, что у кого спросятъ. Добравшись до шестого или даже только до пятаго класса, воспитанники побогаче выбывали изъ гимназіи и принимались хозяйничать. Не трудно было тогда хозяйничать: крѣпостной мужикъ работалъ: сѣялъ, пахалъ, молотилъ и прочее, а исправный экономъ съ плеткою придавалъ работающимъ нужную энергію. Помѣщики ѣздили другъ къ другу въ гости, танцовали, много и охотно танцовали; веселились, влюблялись, женились и, что еще было пріятнѣе, совершали большими компаніями экскурсіи въ хорошую погоду къ разнымъ мѣстнымъ чудотворнымъ святынямъ.

Веселое для насъ, дворянъ, хорошее было это время!

Тетка моя, Урсула Козичъ, была властная, старая женщина. Она не дозволила мнѣ улизнуть изъ витебскаго храма наукъ до

окончанія курса. Закончилась памятная севастопольская брань, и въ затхлую атмосферу жизни сороковых годовъ ворвалась струя свѣжаго воздуха. Я былъ уже въ послѣднемъ седьмомъ классѣ и, вернувшись съ каникулъ, не узналъ своей гимназіи. Гимназія, правда, попрежнему помѣщалась въ старомъ, ветхомъ зданіи на высокомъ берегу Двины. Но порядки были уже не тѣ. Инспекторъ, Лука Цыбуличъ—сѣкундаторъ, для котораго глаголомъ высѣчь исчерпывалась вся педагогическая задача,—вышелъ въ отставку, и на его мѣсто пріѣхалъ молодой либераль Тихоцкій, начавшій съ того, что собравъ учениковъ, сказалъ имъ рѣчь о томъ, что тѣлесныхъ наказаній болѣе не будетъ, карцера тоже не будетъ. Храмъ наукъ не тюрьма. Желаютъ учиться—пусть учатся, а кто не желаетъ—можетъ уходить. Розги, дранье за уши, карцеръ—средства не педагогическія. Такая рѣчь намъ, гимназистамъ очень понравилась. Тихоцкій сразу завоевалъ популярность. Старики-преподаватели уходили. Удалился на покой учитель географіи Мержевскій, твердившій, что по его предмету всякія объясненія излишни. Напечатано въ руководствѣ Ободовскаго: Парижъ на Сенѣ, Мадридъ на Мансанаресѣ—и тверди: на Сенѣ, на Мансанаресѣ. Волга... Ну, Волга и есть. Что тутъ объяснять! Умеръ историкъ Паперецъ, требовавшій, чтобы отвѣчали урокъ отъ слова до слова, заставлявшій зубрить длинные ряды разныхъ римско-нѣмецкихъ императоровъ и королей, до Генриха Птицелова включительно.

Чортъ его знаетъ, что это былъ за Птицеловъ, право, и по сей день я не соображу!

Былъ я уже въ послѣднемъ классѣ и вмѣстѣ съ другими получилъ отъ инспектора приглашеніе по субботамъ вечеромъ посѣщать его квартиру для педагогическихъ бесѣдъ и пользованія его библіотекой. Въ одинъ холодный и дождливый субботній вечеръ я и товарищъ мой Домбровскій послѣ нѣкотораго колебанія,—форменныя шинели плохо защищали отъ холода,—однакоже пошли къ инспектору на Смоленскій рынокъ—мѣстность очень отдаленную отъ нашей ученической квартиры. Въ маленькихъ, уютныхъ комнатахъ квартиры Тихоцкаго застали мы много народу. Кромѣ гимназистовъ, тутъ были ксендзъ де-Вальденъ—жирный, елейный старикъ; были преподаватель таксаторскихъ классовъ Нарбутъ, домовладѣлецъ Піотухъ и совершенно незнакомый намъ пожилой, полный, лысый господинъ, съ которымъ всѣ обращались съ большимъ почтеніемъ.

Это былъ польскій поэтъ Тома Заяъ, возвращенный изъ ссылки изъ Сибири. О, въ какой восторгъ пришли мы, молодежь, когда узнали, кто такой гость Тихоцкаго, какъ жалѣли тѣ, которымъ не удалось быть у инспектора въ эту памятную субботу! Старикъ Заяъ—добрый и кроткій человекъ—обнялъ и перецѣловалъ всю молодежь, а мы цѣловали его руки, на которыхъ были оковы каторж-

ника. Намъ ксендзъ де-Вальденъ рассказывалъ, что поэтъ выстрадалъ десятки лѣтъ въ ссылкѣ, работалъ въ рудникахъ, былъ прикованъ къ тачкѣ...

Разумѣется, все это было вздоръ, выдумки. Занъ былъ просто сосланъ на поселеніе. Но мы де-Вальдену слѣпо вѣрили. Самъ поэтъ ничего подобнаго о своемъ пребываніи въ Сибирь не говорилъ. Онъ искренно расплакался, знакомясь съ нами, и, всхлипывая, говорилъ:

— Милая, дорогая, благородная молодежь! Я вижу, я теперь вѣрю: Польша наша дорогая мать, не погибла. У нея такіе достойные сыны. Богъ сохранилъ и благословилъ васъ, дѣтки.

Рыданія прервали его слова. Мы все тоже плакали и стали вокругъ его на колѣни. Тихоцкій тоже хотѣлъ стать. Но Занъ не допустилъ его преклониться, а обнялъ и поцѣловалъ, какъ руководителя такъ хорошо воспитанной молодежи. Занъ приподнялся со стула, что при его толщинѣ и старости было ему не легко, и сказалъ намъ: «Любите ваше отечество. Любовь къ родинѣ самое благородное чувство. Патріотъ не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ». Кто-то упомянулъ о москаляхъ. Но, къ нашему удивленію, старый поэтъ не одобрилъ этого и замѣтилъ:

— Не надо никакой и ни къ кому злобы. Москали! я ихъ знаю. И между ними много хорошихъ людей. Я не разъ испыталъ это въ дни моей ссылки. Русскіе не меньше насъ страдаютъ отъ деспотизма.

Ксендзу де-Вальдену и Тихоцкому, кажется, не очень понравилась рѣчь Зана. Но, какъ другу Мицкевича, они и думать не могли противорѣчить ему. Больше мы Зана не видѣли. Я добылъ одну изъ его поэмъ «Твардовскій» — нѣчто въ родѣ похваленія польскаго Каліостро. Но она не особенно мнѣ понравилась. Послѣ поэмъ Мицкевича, въ особенности «Валленрода», она казалась мнѣ и холодной, и безсодержательной.

Въ этомъ же году въ Могилевѣ было дворянское собраніе. Помѣщики, собравшіеся на выборы, купили Зану небольшое имѣніе въ Оршинскомъ уѣздѣ. Рассказывали, дѣло происходило такъ. Князь Любомирскій, губернскій предводитель, обратился къ поэту съ заявленіемъ, что дворянство считало бы за честь, если бы другъ Мицкевича купилъ имѣніе и поселился между ними.

— А на какія деньги мнѣ купить имѣніе, — возразилъ Занъ: — когда у меня всего состоянія только и есть, что вотъ эта монета?

Въ рукѣ у него былъ двугривенный. Но энтузіасты-дворяне сейчасъ же сдѣлали складчину. Любомирскій далъ тысячу рублей, другіе кто сколько пожелалъ, и имѣніе было куплено, маленькое, плохое, гдѣ-то около мѣстечка Смолянъ. Занъ былъ плохой хозяинъ. Когда онъ умеръ, жена его продала имѣніе и уѣхала въ Вильну.

IV.

Прошли года. Прошумѣло возстаніе 1863 года. Надоѣло мнѣ служить въ новосозданномъ акцизѣ. Да и вообще я былъ плохой чиновникъ. Съ обычною своею стремительностью въ рѣшеніяхъ я вышелъ въ отставку и порѣшилъ жить въ Петербургѣ. Съ какой цѣлью? Захотѣлось быть литераторомъ. Изъ Могилева я посылалъ статьи въ «Искру» и въ «Экономическій Указатель» Вернадскаго. У меня былъ уже готовъ большой романъ «Послѣдніе язычники», напечатанный много лѣтъ спустя. На него я возлагалъ всѣ свои надежды... Но прежде Петербурга мнѣ необходимо было побывать въ Вильнѣ, гдѣ жила моя любимая сестра Лиза, бывшая замужемъ за артиллерійскимъ офицеромъ. Въ Динабургѣ, хотя Муравьева уже не было, существовали еще муравьевскіе порядки: у ѣхавшихъ въ Вильну или на Варшаву осматривали багажъ. Жандармскій унтеръ-офицеръ раскрылъ мой чемоданъ и буквально пришелъ въ ужасъ: чемоданъ былъ переполненъ рукописями. Приглашенный жандармскій капитанъ, перелиставъ нѣсколько тетрадокъ, пожалъ плечами:

— Просмотрѣть всѣ эти рукописи недѣли мало. А пропустить такъ я не могу.

— Но какъ же мнѣ быть?—спрашиваю.

— А ужъ не знаю. Поѣзжайте въ Петербургъ, тогда я васъ пропущу.

— Но мнѣ надо въ Вильну.

Капитанъ задумался и вдругъ неожиданно объявилъ:

— Ну, хорошо. Я вамъ разрѣшаю ѣхать въ Вильну.

«Какой добрый», подумалъ я.

Чемоданъ мой закрыли, сдали въ багажъ, и я поѣхалъ.

У вилenskaго вокзала, однако, обнаружилась подкладка доброты голубого капитана: по его телеграммѣ меня арестовали, посадили въ особую комнату; принесли туда же мой багажъ и поставили у двери часового. Запрещеннаго, компрометирующаго у меня ничего не было, но все же приключеніе было пренепріятнаго свойства. Я боялся за свои рукописи. Прошло около часу, пока занятый при отходѣ поѣздовъ толстый и пыхтящій отъ жиру (былъ іюль мѣсяцъ) полковникъ въ голубомъ мундирѣ заглянулъ въ комнату.

— Это все польскія рукописи?—обратился онъ ко мнѣ, заглядывая въ мой чемоданъ.

— Ни одной нѣтъ польской, все русскія,—отвѣчаю ему.

— Зачѣмъ же васъ задержали?

— Не знаю.

— Глупо. Чортъ знаетъ что! Вы русскій литераторъ?

— Хочу быть имъ.

— А зачѣмъ пріѣхали въ Вильну?

— Здѣсь замужемъ моя сестра за артиллерійскимъ капитаномъ.

— Фамилія капитана?

Я сказалъ фамилію. Толстый полковникъ пожалъ плечами.

— Знаю капитана. Вполнѣ благонадеженъ.

Онъ задумался, сѣлъ на стулъ, вытеръ платкомъ вспотѣвшій лобъ и объяснилъ мнѣ:

— Арестъ вашъ одно недоразумѣніе. Отпустить васъ я, конечно, могу, но рукописи обязанъ представить для разсмотрѣнія въ комиссію. Это васъ не устраиваетъ?

— Совсе не устраиваетъ. Комиссія задержитъ надолго рукописи, а я спѣшу въ Петербургъ.

— Гм! комиссія задержитъ, навѣрное, задержитъ рукописи и, что еще хуже, половину растеряетъ. Знаю я ихъ, этихъ членовъ комиссіи.

— Какъ же быть?

— А ужъ не знаю!

Посмотрѣвъ на часы и найдя, что пора обѣдать, полковникъ разрѣшилъ затрудненіе очень остроумной комбинаціей:

— До свиданія, господниѣ литераторъ. Я уйду и солдату велю итти за собою. Дверь открыта. Берите вашъ чемоданъ и уходите.

Видя, что я нѣсколько изумленъ, онъ, улыбаясь, пояснилъ:

— Мой коллега въ Динабургѣ поступилъ по закону правильно; я поступаю произвольно, но тоже правильно и не чувствую укоровъ совѣсти: въ вашемъ чемоданѣ могутъ быть очень хорошія статьи, ихъ я спасаю отъ когтей комиссіи. Такъ-то лучше.

Надо ли говорить, что я, не медля захвативъ чемоданъ, черезъ полчаса былъ уже въ квартирѣ сестры.

Въ Вильнѣ у меня тоже были встрѣчи и знакомства съ литераторами. Наиболѣе симпатичный и сильно понравившійся мнѣ былъ Василій Осдоровичъ Ратчъ, генераль-лейтенантъ и начальникъ артиллеріи въ вилевскомъ округѣ. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» только что была напечатана его полубеллетристическая статья «Недѣля безпорядковъ въ Могилевской губерніи». Статья отличалась рельефностью, сжатостью и прекраснымъ языкомъ. Во время моего пріѣзда въ Вильну Ратчъ трудился надъ многотомнымъ сочиненіемъ «Исторія польскихъ конспирацій въ Западномъ краѣ». Программа работы была очень обширна, рассказъ начинался чуть ли не съ Ядвиги и Ягеллы. До настоящаго интереснаго 1863 года почтенный генералъ такъ и не дошелъ, а на серьезное историческое изслѣдованіе давно минувшихъ эпохъ у него не хватало знанія и даже источниковъ. Онъ не зналъ ни польскаго, ни латинскаго языковъ. Выпустилъ онъ, кажется, два тома съ текстомъ крайне скучнымъ и

растянутымъ. Ратчу ежемѣсячно выдавалось, кажется, пятьсотъ рублей за работу и для напечатанія его рукописей. Торопиться не было повода, а затягивать работу было, напротивъ, очень солидный поводъ. Онъ пригласилъ меня помогать ему: дѣлать конспекты изъ дѣлъ слѣдственной комиссіи, переводить съ польскаго и платить за эти занятія, помнится, по шестидесяти рублей помѣсячно. Денежные ресурсы мои въ тѣ поры были плохи, и я охотно согласился работать у Ратча. По его протекціи тогдашній попечитель виленскаго учебнаго округа, Иванъ Петровичъ Корниловъ, далъ мнѣ мѣсто второго бібліотекаря въ виленской публичной бібліотекѣ, тогда еще только устраивавшейся. Лично, какъ человекъ, Василій Ѳеодоровичъ Ратчъ былъ прѣмилый господинъ. Худошавый, малѣнькій, нервный, любитель поговорить, онъ отличался добротою, желаніемъ всякому сдѣлать добро и наивностью ребенка. Супруга его была полная, сырая, флегматичная генеральша, какихъ много на Руси. У нея было хорошее, независимое состояніе, позволявшее Ратчу быть широко гостепріимнымъ. У него бывали люди всѣхъ партій и направленій, муравьевцы и кауфманисты (Кауфманъ былъ тогда генераль-губернаторомъ), далеко не согласные во взглядахъ; бывало много духовныхъ, и въ ихъ числѣ часто появлялся съ длиннымъ лицомъ, хитрыми глазами и елеяною рѣчью протоіерей Гомолицкій, женатый на родной племянницѣ митрополита Семашка. Значеніе его было велико, благодаря престарѣлому Семашку, который безъ совѣта Гомолицкаго ни на что важное не рѣшался. Протоіерей былъ изъ униатовъ; кое-что ксендзовское въ немъ сохранилось, и древле-православные священники Вильны недолюбливали отца Викторъ. Мнѣ отецъ Викторъ нравился, больше, можетъ быть, потому, что его милыя и хорошенкія дочки мнѣ въ тѣ поры тоже очень нравились. Приведу одинъ случай для характеристики дѣятельности отца Викторъ. Умиралъ какой-то старый чиновникъ, числившійся православнымъ (ради сохраненія мѣста) но въ душѣ католикъ. Онъ умолялъ близкихъ призвать для исповѣди ксендза. Но ни одинъ ксендзъ не рѣшался ѣхать къ умирающему. Гомолицкій, узнавъ, въ чемъ дѣло, самолично и подъ своею отвѣтственностью привезъ ксендза. Объ этомъ, конечно, сейчасъ же донесли Кауфману. Генераль-губернаторъ вытребовалъ отца Викторъ и принять его довольно немилостиво.

— Какъ вы могли къ православному привозить католическаго патера для исполненія требъ?—спросилъ онъ его.—Я этого не потерплю.

Протоіерей, однако, не испугался и отвѣтилъ:

— Сдѣлано мною это для спасенія души христіанской. Больной могъ умереть безъ покаянія, а что умирающаго напутствовалъ патеръ, а не православный священникъ и что я все взялъ на свой отвѣтъ, то, ваше высокопревосходительство, въ этомъ моя іерейская совѣсть меня не упрекаетъ.

Константинъ Петровичъ Кауфманъ доводилъ строгость системы Муравьева очень часто до предѣла, до котораго самъ Муравьевъ никогда бы ея не довелъ.

Нѣкій не въ мѣру усердный чиновникъ Рачинскій добылъ на какомъ-то кладбищѣ надгробную плиту одного изъ графовъ Тышкевичей, несомнѣнно доказывающую, что погребенный подъ оной Остафій Тышкевичъ былъ православный. Плиту вставили въ стѣну пріемной зданія музея и помѣщавшейся тамъ же публичной библіотеки. На освященіе зданія пріѣхалъ Кауфманъ со свитою, въ которой былъ и графъ Тышкевичъ. Подойдя къ плитѣ, генераль-губернаторъ громко прочелъ надпись на плитѣ и обратился къ Тышкевичу:

— Графъ, вашъ предокъ былъ православный. Что бы и вамъ теперь вернуться къ вѣрѣ вашихъ предковъ? А! какъ вы думаете?

Рачинскій, Кулинъ (помощникъ попечителя учебнаго округа) и другіе ярые кауфманисты съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждали, что отвѣтитъ Тышкевичъ. Но графъ не смутился и съ поклономъ хладнокровно заявилъ, что онъ, пожалуй, и не прочь вернуться къ вѣрѣ своихъ предковъ, но встрѣчаетъ затрудненіе:

— Какое же можетъ быть тутъ затрудненіе?—удивился Кауфманъ.

— Мои предки точно были въ XVI вѣкѣ православными, но еще раньше они были язычники. Я и затрудняюсь, къ которому изъ вѣрованій моихъ предковъ мнѣ присоединиться.

Конечно, это было глумленіе, но отвѣтъ удачный.

Помолчавъ минуту, Тышкевичъ съ новымъ поклономъ добавилъ:

— Я просилъ бы ваше высокопревосходительство камень съ могилы моего предка, Остафія Тышкевича, вернуть обратно изъ передней музея, гдѣ ему быть вовсе не мѣсто. Ограбленіе могилъ по русскимъ законамъ не допускается.

Пресловутый надгробный камень Остафія Тышкевича, однакоже, убранъ не былъ. Уѣзжая изъ Вильны въ 1869 году, я самъ его видѣлъ въ стѣнѣ прихожей музея.

Кауфмана смѣнилъ графъ Барановъ, болѣе умѣреннаго и примирительнаго образа мыслей.

V.

Вильна во время моего пребыванія въ ней буквально была переполнена литераторами, правда, не высокой марки, но все же литераторами. Большинство писало въ «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости». Въ обществѣ я встрѣчалъ Воскобойникова, но близко съ нимъ не сходилъ. Воскобойниковъ былъ среднихъ лѣтъ, очень напыщенный господинъ и игралъ въ Вильнѣ значительную роль, такъ какъ называлъ себя представителемъ Каткова, тогда

находившагося въ апогеѣ своей славы. Я его раза два встрѣчалъ у Ратча, но и до сего дня не знаю, служилъ ли онъ гдѣ-либо, или считался только при комъ-то изъ сильныхъ міра, а такихъ въ Вильнѣ тогда было много. Совершенною противоположностью Воскобойникову былъ Всеволодъ Владимировичъ Крестовскій, петербургскій литераторъ, авторъ нашумѣвшаго въ свое время романа «Петербургскія трущобы». Ратчъ былъ съ нимъ сосѣдъ по имѣнію. Онъ, конечно, зналъ, зачѣмъ Крестовскій явился въ Вильну, но я ничего даже не подозрѣвалъ, когда принялъ Крестовскаго къ себѣ на квартиру. Ему, по его словамъ, надо было прожить въ Вильнѣ недѣли двѣ, а жить въ гостиницѣ не хотѣлось. Онъ и прожилъ у меня около двухъ недѣль; рѣдко бывалъ дома, со всѣмъ русскимъ обществомъ скоро перезнакомился, особеннымъ успѣхомъ онъ пользовался у дамъ. Романомъ его всѣ тогда зачитывались.

Черноглазый, красивый брюнетъ, нѣсколько смахивавшій чертами лица на армянина, Всеволодъ Владимировичъ Крестовскій прекрасно читалъ стихи свои и чужіе, рассказывалъ анекдоты еврейскіе и армянскіе и буквально, живя въ Вильнѣ, катался, какъ сыръ въ маслѣ. Но что меня тогда въ немъ поражало, это его полное равнодушіе къ литературѣ.

— Ну ее ко всѣмъ чертямъ эту литературу!—говорилъ онъ мнѣ:—вотъ какъ она мнѣ надоѣла.

— А твои «Петербургскія трущобы»?

Онъ поморщился.

— Двухъ такихъ романовъ не напишешь. А деньги, полученные за «Трущобы», я прожилъ. Слава... не хлѣбъ. У меня теперь другіе планы.

— Неужели думаешь бросить литературу?—удивился я.

— Зачѣмъ бросать?—усмѣхнулся Крестовскій.—Но одною литературою ограничивать свою дѣятельность я не намѣренъ.

Проживъ у меня дней десять, Крестовскій вдругъ исчезъ. Возвратившись, онъ уже остановился не у меня, а въ гостиницѣ и прислалъ за своими вещами.

Не разсердился ли онъ на меня?—пришло мнѣ въ голову:—но чѣмъ же я могъ его обидѣть?

Придя вечеромъ къ Ратчу, я въ его гостиной засталъ юнкера въ уланскомъ мундирѣ. Это былъ Крестовскій. Разумѣется, я удивился.

— Ну, какъ я тебѣ нравлюсь въ новомъ видѣ?—спросилъ онъ меня.

Я былъ озадаченъ и почему-то считалъ себя даже обиженнымъ.

— Вовсе не нравишься,—отвѣтилъ я:—что это тебѣ вздумалось въ тридцать лѣтъ юнкерствовать?

Онъ ничего не отвѣтилъ. Больше онъ у меня не былъ. Въ Вильнѣ оставался недолго и скоро уѣхалъ въ свой эскадронъ.

Много лѣтъ спустя, я встрѣтилъ Крестовскаго въ Петербургѣ, на Невскомъ, уже полковникомъ. Онъ сдѣлалъ карьеру. Всѣ романы, которые имъ написаны уже на военной службѣ, были по достоинству много слабѣе первыхъ его сочиненій. Я говорю про большіе его романы. Въ очеркахъ и повѣстужкахъ онъ оставался прежнимъ удобочитаемымъ Крестовскимъ. Въ тѣ поры я велъ въ «Дѣлѣ», журналѣ Благосвѣтлова, отдѣлъ библіографіи и давалъ о странныхъ, чтобы не сказать болѣе, новыхъ романахъ Крестовскаго довольно рѣзкіе отзывы. Вѣроятно, по этой причинѣ, встрѣтившись на Невскомъ, мы точно не узнали другъ друга и разошлись, не обмѣнявшись словомъ.

Не могу обойти въ моихъ воспоминаніяхъ Кулина, тоже если не заправскаго литератора, то во всякомъ случаѣ человека, баловавшагося литературою. Тогда литераторомъ считали всякаго, кто написалъ въ газетѣ двѣ-три корреспонденціи. Кулинъ много ихъ написалъ въ «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости». Это былъ господинъ среднихъ лѣтъ, худошавый, несомнѣнно, умный, занимавшій въ виленскомъ учебномъ округѣ видный постъ. Попечитель, Иванъ Петровичъ Корниловъ, не терпѣлъ своего помощника Траутфетера, какъ нѣмца и лютеранина, и всецѣло былъ подъ вліяніемъ Кулина. У Кулина по субботамъ собирались кауфманисты—партія, если такъ можно выразиться, свехрусская. На этихъ собраніяхъ бывалъ раза два и я, но скоро потомъ уклонился отъ нихъ. Дѣло въ томъ, что кулинисты, какъ всѣ, впрочемъ, въ то время въ Вильнѣ, постоянно обсуждали вопросъ: какъ освободить Литву отъ польскаго вліянія? Кулинъ думалъ, что нѣтъ иного выхода, какъ принудительно обратить всѣхъ шляхтичей-католиковъ въ православіе, а у дворянства отчуждать ихъ имѣнія, переселять ихъ вглубь Россіи, а на ихъ мѣста посадить чиновниковъ русскихъ. Это обойдется казнѣ дорого, говорилъ Кулинъ, но зато край сдѣлается русскимъ.

Я не вѣрилъ въ хозяйственныя способности чиновниковъ, и еще болѣе мнѣ претило смѣшеніе политики съ религіей. Кулинисты обозвали меня полякующимъ. Я занималъ мѣсто второго бібліотекаря устроеннаго тогда виленской публичной бібліотеки, и скоро почувствовалъ шатаніе подъ собою почвы. Корниловъ былъ добрякъ, не очень бойкій и, главное, лишенъ былъ самостоятельности. Ратчъ мнѣ покровительствовалъ, но дружески совѣтовалъ не раздражать кулинистовъ.

— Это народъ дикій, — говорилъ онъ: — не всегда трезвый. Они васъ непременно изъ Вильны выживутъ.

Такъ именно и случилось.

Кулунтъ, сколько помню, былъ сладкорѣчивъ; обладалъ необыкновенно гнбкимъ становымъ хребтомъ. Онъ никогда не доходилъ до рѣзкостей, но и никогда не забывалъ тѣхъ, кто дерзалъ ему поперечить. Съ нимъ въ тѣсной дружбѣ пребывалъ завѣдывавшій археологическимъ отдѣломъ, недоучившійся студентъ Г—ъ. Это тоже былъ, или, по крайней мѣрѣ, считалъ себя литераторомъ. Насколько глубоко были его познанія въ археологін, рѣшать не берусь. Но въ водкѣ онъ зналъ толкъ. Работалъ мало. Придя въ свой отдѣлъ обычно выпивши, онъ клалъ голову на столъ и мирно засыпалъ.

Впрочемъ, при устройствѣ виленской библіотеки мы всѣ работали, не надрываясь, не торопясь, за исключеніемъ завѣдывавшаго библіотекою Владимірова. Этотъ усердно работалъ. Жена-тый на англичанкѣ, онъ корчилъ англичанина, одѣвался полосатымъ, говорилъ въ носъ и отрывисто. Пьянствовавшего Г—да онъ терпѣть не могъ. Придетъ, бывало, заглянетъ въ археологическій залъ и плюнетъ по адресу Г—да.

— Видишь ли? Нѣмецъ опять нарѣзался.

— Ну, нарѣзался, какъ всегда,—отвѣчаю я, всецѣло занятый подборомъ эльзевировъ и альдовъ—дорогихъ первопечатныхъ книгъ.

— Свинья! Вотъ уже застанетъ его попечитель.

Но попечитель, Иванъ Петровичъ Корниловъ, былъ добрякъ. Г—да онъ не разъ заставлялъ спящимъ и обыкновенно махалъ только рукою и говоритъ:

— Пусть его спитъ. Выпилъ—не бѣда. Не будите его. Онъ дѣло свое знаетъ.

VI.

Послѣднимъ виленскимъ литераторомъ, о которомъ я буду здѣсь говорить, былъ Адамъ Карловичъ Киркоръ. Писалъ онъ по-русски и по-польски; ему принадлежитъ «Описаніе Вильны». Онъ редактировалъ сперва польскій «Виленскій Курьеръ», а потомъ уже при Муравьевѣ русскій «Виленскій Вѣстникъ», но, что важнѣе, былъ основателемъ нынѣ широко извѣстной газеты «Новое Время». Если вы матераго медвѣдя поставите на заднія ноги, получится фигура, напоминающая Киркора. Съ нимъ былъ друженъ извѣстный польскій поэтъ Сырокомля (Кондратовичъ), посвятившій ему нѣсколько насмѣшливыхъ стихотвореній, въ которыхъ обзывалъ своего пріятеля пузыремъ, надутымъ вѣтромъ. Киркоръ развелъ его съ женою и женился на его женѣ. Когда я пріѣхалъ въ Вильну, онъ уже успѣлъ развестись съ женой Сырокомли и въ третій разъ женился на милой и умной Маріи Ивановнѣ Бочковской.

Впослѣдствіи, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ Петербургѣ она была дружна съ Николаемъ Ивановичемъ Костомаровымъ, иногда ради ея заглядывавшимъ къ Киркору. Имени своего въ тогдашнее «Новое Время» Костомаровъ не далъ, но деньги, кажется, давалъ. У Киркора имѣлся обширный кабинетъ, обставленный полдюжиной шкаповъ съ выдвижными ящиками. Надъ каждымъ была прибита бронзовая буква. Онъ собирался издавать энциклопедическій словарь. Нѣчто въ родѣ попытки, какъ легендарный Атласъ, поднять цѣлое небо на свои плечи. Киркоръ былъ предприимчивый человѣкъ, имѣлъ собственную типографію и небольшія деньги. Въ ту пору получить разрѣшеніе на изданіе большой газеты было дѣло нелегкое. Но, благодаря тому, что главноуправляющимъ по дѣламъ печати былъ Похвистневъ, бывший прежде губернаторомъ въ Вильнѣ, Киркоръ получилъ разрѣшеніе. Я бывалъ у него довольно часто, писалъ кое-что для его словаря, но главнымъ образомъ влекли меня его свояченицы—хорошенькія дѣвушки Зося и Аделя. Получивъ разрѣшеніе на изданіе въ Петербургѣ большой газеты, онъ сейчасъ же принялся убѣждать меня бросить Вильну. Сестры моей тогда уже въ Вильнѣ не было, кулинисты допекали меня, а съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ графа Баранова прекратились субсидіи Ратчу на изданіе его книгъ. Моя пенсія тоже прекратилась.

— Что вамъ торчать въ этой дырѣ?—говорилъ мнѣ Киркоръ:—въ Петербургѣ, въ редакціи большой газеты, вы составите себѣ имя.

И я, не долго думая, рѣшился: отъ мѣста второго библіотекаря отказался. Владимировъ не одобрилъ моего легкомысленнаго рѣшенія и сказалъ:

— Напрасно вы такъ поспѣшили. Я скоро уйду. Меня назначаютъ посредникомъ. Мѣсто спокойнѣе и выгоднѣе. Вы могли бы занять мое мѣсто.

— Кулинисты!—возразилъ я:—развѣ они допустятъ?

— Плюньте вы на нихъ. Я уже говорилъ о васъ попечителю. Кому и быть завѣдывающимъ, если не вамъ. Вы трезвый человѣкъ, а кулинисты горькіе пьяницы.

Хорошо бы я сдѣлалъ, если бы тогда послушалъ Владимирова, но я не послушался. Жить въ столицѣ, быть редакторомъ большой газеты меня очень привлекало. Уговоры Киркора пали на благодарную почву. Отказавшись отъ занятій въ библіотекѣ, я буквально промѣнялъ воробья въ рукахъ на журавля въ облакахъ. Сколько я вынесъ въ первые годы въ невской столицѣ—вспомнать страшно. Довольно того, что приходилось сидѣть по нѣсколько дней безъ обѣда и самому домашними средствами подшивать подметки подъ ботинки.

Киркоръ былъ человѣкъ малодаровитый и совѣстливостью, твердостью убѣжденій не отличался и врядъ ли онъ даже принадле-

жалъ къ польской національности. Вѣрнѣ всего, онъ былъ татаринъ—потомокъ еще Витовтомъ поселенныхъ въ Литвѣ плѣнныхъ татаръ. Но Муравьеву онъ чѣмъ-то услужилъ и при немъ продолжалъ служить и редактировать реформированный «Виленскій Вѣстникъ». Кауфманъ его на первыхъ порахъ устранилъ. Думаю, на сей разъ Кауфманъ поступилъ правильно.

Задумывая издавать большую газету, Киркоръ первоначально думалъ назвать ее «Переходъ».

— Отъ чего и къ чему?—задалъ я ему вопросъ.

— Отъ революціоннаго террора къ спокойствію и правильной гражданской жизни.

— До этого еще очень далеко. И газета ваша будетъ ни то, ни се, будетъ переходная.

Вскинувъ очки на лобъ, Киркоръ спросилъ:

— Какъ же бы вы ее посоветовали назвать?

— Назовите ее «Новое Время».

Марья Ивановна Киркоръ, присутствовавшая при нашемъ разговорѣ, сейчасъ же одобрила мою мысль и заявила:

— Теперь наступаетъ новое время, и газета «Новое Время» подойдетъ. Нельзя и выдумать удачнѣе названіе.

Киркоръ написалъ о переимѣніи названія своему соиздатель Юматову, тотъ согласился. Такимъ образомъ и народилось «Новое Время».

Въ ожиданіи петербургской дѣятельности я и послѣ отъѣзда Киркора продолжалъ нѣкоторое время заниматься въ библіотекѣ Кауфмана уже не было въ Вильнѣ, и генералъ-губернаторствовалъ графъ Барановъ. При немъ Вильну, впервые послѣ мятежа, посѣтилъ покойный государь Александръ II. Въ библіотекѣ, разумѣется, готовились къ высочайшему посѣщенію. Весь нашъ штатъ, съ попечителемъ во главѣ, ежедневно собирался къ одиннадцати утра и ждалъ. Графъ Барановъ предупредилъ, что государь зайдетъ въ библіотеку и осмотритъ музей. Такъ прошло два дня. На третій день узнали, что государь уѣхалъ съ Барановымъ на дачу въ Закреть, гдѣ будетъ обѣдать, а на утро уѣдетъ въ Варшаву.

— Значить, библіотеку не посѣтитъ,—рѣшилъ попечитель.

Корниловъ и всѣ, дождавшись четырехъ часовъ, разошлись. Остался одинъ я, въ тотъ день дежурный. Какъ теперь помню, гляжу отъ скуки въ окно и вижу—на дворцовую площадь въѣхала коляска и прямо направилась къ нашему подъѣзду. Въ коляскѣ рядомъ сидѣли въ одинаковаго цвѣта свѣтло-сѣрыхъ шинеляхъ государь и Барановъ. Къ счастью, на мнѣ былъ фракъ и бѣлый галстукъ; я успѣлъ встрѣтить на крыльцѣ высокаго посѣтителя. Барановъ назвалъ меня библіотекаремъ и мнѣ пришлось объяснять наши библіотечные порядки и показывать любопытныя и рѣдкія

изданія. Пока дѣло касалось книжнаго отдѣла разныхъ старопечатныхъ книгъ, альбовъ, эльзевировъ и великолѣннаго собранія сеймовыхъ актовъ (высоко оцѣненныхъ Н. И. Костомаровымъ), все шло прекрасно. Но съ переходомъ въ археологическій залъ пришлось говорить наугадъ. Въ музеѣ, помѣщавшемся во второмъ этажѣ, стало еще труднѣе. Къ счастью, государь, очевидно, торопившійся,—начинало уже темнѣть,—прошелъ только по заламъ музея и сдѣлалъ два-три поверхностныхъ вопроса. Выходя на лѣстницу, Александръ II сказалъ по моему адресу: «спасибо». Внизу въ приемной библіотеки ждали его величество спѣшно вытребованные попечитель Корниловъ и весь нашъ библіотечный штатъ. Послѣдовало снова царское спасибо, а надѣвъ уже шинель, государь въ третій разъ по моему адресу сказалъ третье спасибо.

Меня поздравилъ попечитель за то, что я не растерялся, а Владимировъ, взявъ подъ руку и отвѣдя къ амбразурѣ окна, спросилъ:

— Что же вы? И послѣ этой царской милости думаете бросить библіотеку и ѣхать за Киркоромъ искать невѣдомыхъ петербургскихъ благъ? Подумайте!

— И думать нечего,—отвѣтилъ я:—ѣду въ Петербургъ.

Пожавъ плечами, Владимировъ больше не продолжалъ разговора.

Бѣдствуя въ Петербургѣ, я нѣсколько разъ вспоминалъ совѣтъ Владимирова и жалѣлъ, что промѣнялъ воробья, который былъ уже у меня въ Вильнѣ въ рукахъ, на литературнаго петербургскаго лебедя въ облакахъ.

Кто самъ не былъ писателемъ, не предавалъ тисненію выраженныхъ на бумагѣ своихъ мыслей и грезъ, тотъ не пойметъ того зуда, той страсти, съ какими люди, тронутые писательской болѣзнію, бросаются въ литературный омутъ!

— Прощай, Вильна,—сказалъ я съ легкимъ сердцемъ, садясь 7-го октября 1868 года въ вагонъ желѣзной дороги.

Въ чемоданѣ моемъ, когда я ѣхалъ въ Петербургъ, лежала рукопись перваго моего романа «Послѣдніе язычники». На него я смотрѣлъ, какъ на залогъ не только моей извѣстности, но и матеріальнаго обезпеченія.

Увы! Мечты вообще, и литературныя въ особенности, я не скажу: гдѣ ваша сладость, а спрошу: сбываются ли онѣ когда-либо?!

VII.

Мое петербургское литературное поприще—тернистый путь, который, однакоже, мнѣ до сихъ поръ дорогъ и милъ. Небольшія замѣтки объ этой эпохѣ моей жизни я уже помѣстилъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Дополню ихъ тѣмъ, что еще сохранилось

въ моей памяти и въ моихъ нотаткахъ. Крушеніе киркоровскаго «Новаго Времени», благодаря бездарности и сидѣнію мало почтеннаго редактора на двухъ стульяхъ, и мое отсиживаніе въ долговомъ отдѣленіи (Тарасовкѣ) за участіе въ этомъ дѣлѣ, мною уже сказано въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Дополнять тутъ нечего. Перехожу къ моему пребыванію въ редакціи «Петербургскаго Листка», когда этою газетою еще управлялъ Стопановскій—заправскій литераторъ, хорошаго сердца человѣкъ, но неисправимый лѣнтяй и къ редактированію бульварнаго «Листка» вовсе не пригодный. Онъ очень хлопоталъ о литературности статей, о томъ, чтобы проходили намеки на тѣ надежды и упованія, которыми были переполнены тогдашнія книги большихъ журналовъ, забывая, что девяносто девять процентовъ читателей «Листка»—посѣтители пивныхъ и трактировъ третьяго сорта, приказчики, мастера и мелкіе торговцы. Можетъ быть, теперь этотъ людъ и смотритъ дальше своего «сегодня», но въ тѣ поры было иначе. Въ «Листкѣ» искали «интереснаго», искали внѣшняго отраженія жизни громадной столицы. Надо было быть даже до извѣстной степени гаеромъ, чтобы «Листокъ» охотно читался. Стопановскій ничего этого не понималъ. Газета шла плохо. Издательница, Гельфрейхъ, давала деньги на покрытіе хроническихъ дефицитовъ. Тогда, благодаря концессионной системѣ, издатели были народъ привилегированный, по выраженію А. Майкова, были «какъ городъ, на горѣ стоящій». Гельфрейхъ, женщинѣ вовсе не литературной, было лестно считаться издательницею, но вовсе не улыбалось вмѣсто прибылей получать неоплаченные счета. Какъ-то даже мнѣ, новому и начинающему литератору, она выразила свои жалобы и неудовольствія на Стопановскаго.

Поступивъ въ число сотрудниковъ «Листка», я засталъ въ числѣ товарищей довольно извѣстнаго вполнѣдствіи литератора Александра Соколова, печатавшаго въ фельетонахъ свой первый романъ «Театральныя болота»; романъ нравился публикѣ, розничная продажа поднималась, но Стопановскій находилъ романъ плохимъ. Настоящихъ литературныхъ достоинствъ, дѣйствительно, было въ немъ немного. Смѣшно и несправедливо было бы, однако, мѣрить фельетонный романъ въ небольшой газеткѣ аршиномъ критики, удобномъ для крупныхъ произведеній въ родѣ «Тысячи душъ» Писемскаго или «Рудина» Тургенева. У Соколова съ редакторомъ по случаю купюръ въ романѣ случались горячія схватки. «Это пошло! Это просто анекдотъ!» говорилъ Стопановскій и вычеркивалъ цѣлыя главы. Соколовъ возненавидѣлъ его за это и не замедлилъ отомстить, ловко вырвавъ у него газету. Высокій, плечистый, съ большой рыжей бородой, съ большимъ если не краснорѣчіемъ, то умѣніемъ говорить, Александръ Алексѣевичъ Соколовъ близко познакомился съ Гельфрейхъ и предложилъ ей от-

дать ему въ аренду газету за очень небольшую плату, которая все же была ей выгоднѣе приплатъ, постоянно требуемыхъ Стопановскимъ. При посредствѣ конторщика К., пользовавшагося довѣріемъ Гельфрейхъ, въ одинъ день былъ написанъ и засвидѣтельствованъ у нотаріуса арендный договоръ на восемь лѣтъ, отдававшій Соколову изданіе, и Соколовъ явился въ редакцію уже полнымъ властелиномъ. Стопановскаго еще не было. Новый издатель объявилъ:

— Господа! Кому нуженъ авансъ—берите. Я разрѣшаю выдачу.

Мы переглянулись, не понимая, что это значитъ. Но, помнится, Лейкинъ и я поспѣшили къ кассиру и получили. Въ эту минуту вошелъ ничего не знавшій о контрактѣ Стопановскій и сердито спросилъ у кассира:

— Кто разрѣшилъ выдавать деньги?

— Александръ Алексѣевичъ Соколовъ. У него, говорить, есть контрактъ съ г-жою Гельфрейхъ.

Стопановскій въ недоумѣніи посмотрѣлъ на Соколова, который уже сидѣлъ на его редакторскомъ мѣстѣ.

— Да, контрактъ налицо. Я взялъ газету въ аренду, и она теперь моя.

— А я? Какъ же я?—уже совсѣмъ инымъ тономъ спросилъ сконфуженный Стопановскій.

— Оставайтесь сотрудникомъ. А, впрочемъ, какъ знаете.

Стопановскій молча ушелъ. Мнѣ искренно жаль было этого человѣка, тѣмъ болѣе, что, редакторствуя, онъ ничего не отложилъ. Стопановскій вошелъ въ редакцію «Листка» бѣднякомъ и бѣднякомъ ушелъ изъ нея.

Скажу кстати слова два здѣсь объ умершемъ не такъ давно Соколовѣ.

Сынъ театральнаго парикмахера, почти безъ всякаго образованія, такъ какъ окончилъ только театральное училище, онъ служилъ помощникомъ режиссера. До своего редакторства терпѣлъ нужду. Когда «Листокъ» подъ его умѣлымъ управленіемъ сталъ давать большіе доходы—тысячъ двѣнадцать и даже пятнадцать тысячъ въ годъ, онъ бросалъ деньги зря и ничего не припасть про черный день. Способности у него были незаурядныя, были и воображеніе и бойкій слогъ. Кромѣ редакторской работы, довольно большой,—въ противоположность Стопановскому онъ все прочитывалъ, что доставлялось въ редакцію,—Соколовъ писалъ по двѣ и даже по три повѣсти въ годъ и еще могъ цѣлыя ночи посвящать кутежамъ. Обыкновенно онъ таскалъ меня съ собою. И гдѣ только мы съ нимъ не перебивали: по разнымъ театрамъ, ресторанамъ, у цыганъ, но за полночь всегда поспѣвали въ типографію, гдѣ читали внимательно корректуру. Я часто клевалъ носомъ и едва разбиралъ строки, но Соколовъ, обычно болѣе меня выпившій, былъ,

что называется, «ни въ одномъ глазу» и распоряжался съ рубриками и содержаніемъ газеты умѣло и внимательно. Время было строгое, пропустить что-либо, хотя бы въ хроникѣ, значило нарваться на непріятности съ цензурой. Покончивъ съ корректурой, мы снова еще куда-нибудь ѣхали. На другой день я спалъ за полдень и чувствовать себя разбитымъ, а Соколовъ къ десяти—одиннадцати часамъ утра уже сидѣлъ за работой въ редакціи. Исписанные листки романа, рассказа, замѣтокъ, рецензій и т. п. быстро плодились подъ его перомъ. Поступившій матеріалъ въ редакцію онъ тутъ же прочитывалъ и все подходящее сдавалъ въ наборъ.

Посѣтителей (заурядныхъ) обыкновенно принималъ секретарь редакціи Петръ Суворовъ, интендантскій капитанъ, личность бездарная и очень самолюбивая. Тогда онъ былъ либераль и надѣдалъ Благосвѣтлову своими дубоватыми стихами на гражданскія темы. Потомъ, въ качествѣ завзятаго консерватора, сотрудничалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Когда его выбросили изъ интендантской службы, кажется, по дѣлу о бумажныхъ подметкахъ, онъ снова сталъ либераломъ.

— Глуповать малый,—говорить про него Соколовъ:—но на немъ почти военный мундиръ. Пускай онъ объясняется съ публикою. Все же это внушительнѣе.

У Соколова на рукахъ и на иждивеніи, сколько мнѣ помнится, всегда было двѣ и даже три милыхъ дамы. Какъ только его хватало на все!

VIII.

Въ «Листкѣ» работало много народу, между ними было немало способныхъ, талантливыхъ людей. Работали: Лейкинъ—описывавшій купцовъ рельефно и съ живымъ, но безобиднымъ юморомъ, Жулевъ—поэтъ-юмористъ, Максимовъ Ганичка—родной братъ знаменитаго артиста; Кушевскій—автора романа «Благополучный россиянинъ», напечатаннаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» Некрасова; Парвовъ, служившій въ сыскномъ отдѣленіи и напечатавшій повѣсть въ «Вѣстникѣ Европы», Скроботовъ, Сергѣй Худковъ, я,—оба мы перешли въ «Листокъ» изъ погибшаго киркоровскаго «Новаго Времени». Много еще толкалось народу въ редакціи, пишущаго и не пишущаго вовсе. Въ редакціи «Листка» я познакомился съ высокодаровитыми представителями царившей въ тѣ дни на сценѣ оперетки: Лядовой, Монаховымъ, Сазоновымъ и другими. Частенько заходилъ въ редакцію Бурдинъ—драматическая оглобля, какъ его обозвалъ, кажется, Аполлонъ Григорьевъ. Лядова была симпатичная простая русская натура; другъ ея Монаховъ вѣчно молчалъ и пилъ...

— Монаховъ пьеть, какъ лошадь, а не какъ человѣкъ,—говорилъ про него Соколовъ.

Всѣ эти люди были люди, признававшіе въ жизни одно «сегодня», впрочемъ, за исключеніемъ Лейкина, и въ тѣ поры уже начинавшаго прикармливать рубли. Вотъ характерный случай. Толстый, съ брюшкомъ, сильно испивавшій Куцевскій былъ очень бѣденъ, до того бѣденъ, что на зиму обычно удалялся въ больницу на даровые хлѣба и квартиру. При немъ состояла въ качествѣ не то подруги жизни, не то просто кухарки невзрачная баба лѣтъ сорока. Профессіональное ея занятіе было мытье бѣлья. И жили эти странные Филемонъ и Бавкида далеко не мирно.

Въ періодъ запоя несчастный Куцевскій все пропивалъ, что попадало ему въ руки, и буйствовалъ. Зимой въ Обуховской больницѣ, избавившись отъ *delirium tremens*, онъ написалъ свой романъ, очень понравившійся Щедрину-Салтыкову. Куцевскому выплатили порядочную сумму. Онъ, радостный, явился къ намъ въ редакцію, показывалъ сторублевки и заявилъ:

— Всѣхъ, господа, зову на мою свадьбу. Попируемъ!

Куцевскій рѣшилъ сочетаться бракомъ со своей кухаркой-сожительницей. Затѣмъ пошла прежняя жизнь: пьянство, пропаданіе изъ квартиры на нѣсколько дней и безобразное швыряніе денегъ.

— А ты бы, братецъ, маленько поостепенился,—пробовалъ его усовѣщевать практическій Лейкинъ:—скопилъ бы что-нибудь.

— На кой мнѣ это прахъ?—грубо и запальчиво возражалъ Куцевскій.

— Какъ на какой прахъ? Проживешь деньги, полученные за свой романъ, и опять будешь нуждаться.

— И не подумаю. Напишу второй романъ и еще больше денегъ добуду.

Но второй романъ ему не удался. Онъ, рассказывали, отнесъ свою рукопись къ Салтыкову, извиняясь, что не успѣлъ переписать набѣло. Тотъ покачалъ головой, что-то проворчалъ и велѣлъ за отвѣтомъ прійти дней черезъ десять.

— Ну, и что же?—спрашиваемъ мы.—Вылъ ты у Салтыкова?

— Ну, былъ!

— Расхвалилъ тебя? Напечатаетъ твой романъ?

— Не напечатаетъ. Обругалъ, сказалъ, вы романъ не написали, а набоборыкали.

Всѣ мы въ редакціи разсмѣялись. Куцевскій сидѣлъ унылый и, вздыхая, обратился къ Соколову:

— Вели, Александръ Алексѣевичъ, кассиру выдать мнѣ авансомъ рублей двадцать.

— Нѣтъ, не велю.

— А почему такъ?! Думаешь, не заработаю?

— Куда тебѣ. Набоборыкаешь, а не напишешь. Развѣ ты теперь пишешь—боборыкаешь. Я твой разсказъ намеренъ изъ номера выбросить. Понимаешь: плохъ!

— Саша!—встревожился несчастный.—Что же ты это! На тебя вся надежда. Знаешь: два дня ничего въ домѣ не готовили.

— А все-таки аванса не дамъ. Потому—пропадутъ деньги Запьешь. Вотъ, если желаешь, получи рубль.

И Соколовъ бросить ему рублевку.

Минуту Кущевскій колебался, поднимать ли рублевку съ полу,—и поднялъ. Ни слова не говоря, онъ сейчасъ же ушелъ. Тяжелая, скверная сцена это была. Вскорѣ онъ умеръ. Миръ его праху. Не бездарный былъ человѣкъ и добрякъ. Водка сгубила...

Въ «Листкѣ» работалъ одно время хромоногий Р. Впослѣдствіи онъ отлично устроился, но тогда нуждался. Въ пассажѣ торговалъ, кажется, бирюзой и еще какой-то дрянью нѣкій восточный человѣкъ, не то татаринъ, не то армянинъ. Р—ъ познакомился съ нимъ, назвался редакторомъ «Листка» и общалъ, конечно, не даромъ, рекламировать его товаръ. Реклама Р—ъ была написана и сдана въ типографію. Соколовъ выбросилъ замѣтку и самъ написалъ, что товаръ восточнаго человѣка—дрянь, заваль. Разъяренный торговецъ прибѣжалъ въ редакцію.

— И гдѣ, покажите сейчасъ, вашъ редакторъ?—кричалъ онъ.

— Я редакторъ,—удивился Соколовъ.—Чего вы кричите?

— Деньги биралъ, кислый рекламъ печаталъ... Зачѣмъ? Да ты и не редакторъ. Тотъ, что деньги биралъ и кислый рекламъ печаталъ, черный. Ходи иначе ты ко мнѣ.

— Зачѣмъ я буду ходить?—еще болѣе недоумѣвалъ Соколовъ.

— Прямо будешь ходить—не ты деньги биралъ. Станешь хромать—сейчасъ тебя бить учну за кислый рекламъ. Отдавай деньги назадъ.

Въ эту минуту вошелъ въ комнату Р—ъ и заковылялъ къ дивану Армянинъ превратился въ тигра и ухватилъ Р—а за плечо.

— Вотъ кто кислый рекламъ печаталъ и деньги биралъ,—кричалъ онъ.

Насилу выпроводили его изъ редакціи и выплатили ему изъ кассы взятыя у него деньги.

— И не стыдно вамъ?—обратился Соколовъ къ Р—у.

— Нимало не стыдно. Вотъ я въ Парижѣ жилъ. Тамъ за всѣ рекламы платятъ. Огромный источникъ дохода. Вольно же вамъ пренебрегать этимъ.

Впослѣдствіи я убѣдился, что циническій афоризмъ Р—а упалъ на благодарную почву. Но въ тѣ поры, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, ничего подобнаго, по крайней мѣрѣ явно, открыто, не допускалось.

IX.

Жулевъ былъ актеръ, впрочемъ, посредственный, но очень остроумный писатель. Покойный В. Курочкинъ дорожилъ имъ. Онъ былъ хорошій человѣкъ и пріятный собесѣдникъ, съ оговоркою, однако: только въ трезвомъ видѣ. Напившись, онъ дѣлался назойливъ, дерзокъ и вообще нестерпимъ. Кутежи его почти всегда кончались бѣлой горячкой. И какихъ только чудесъ онъ тогда не выдѣлывалъ. Какъ и всѣхъ бѣлогорячныхъ, его одолѣвали галлюцинаціи: видѣнія чертей. У него былъ любимецъ—большой сѣрый котъ; съ нимъ онъ спалъ; съ нимъ онъ, кажется, и ѣлъ съ одной тарелки.

Въ одинъ изъ припадковъ бѣлой горячки Жулевъ затѣялъ обычную войну съ чертями, и вдругъ ему вообразилось, что отъ его преслѣдованій черти прячутся въ сѣрый васькинъ хвостъ. Поймавъ несчастнаго кота, онъ кухоннымъ ножомъ отрубилъ коту хвостъ при самомъ основаніи. Котъ издохъ. Жулевъ очень жалѣлъ кота.

— Почему, однако, всѣмъ пьяницамъ непременно грезятся черти?—философствовалъ онъ.—Есть же тутъ какая-либо связь? Почему пропойца всюду видитъ чертей, а не рыбъ, не птицъ или что-либо тому подобное?

Напрасно ему объясняли, что это галлюцинаціи, а чертей никакихъ нѣтъ.

— Толкуйте!—говорилъ онъ.—Чертенятъ я самъ видѣлъ, даже ловилъ... Черненькіе, маленькіе, съ рожками и хвостиками. Поймаешь, нажмешь пальцами, и лопнетъ.

И это пресерьезно утверждалъ человѣкъ не глупый, талантливый. Помню одно характерное четверостишіе Жулева:

Ужъ мы ѣли, ѣли, ѣли!
Ужъ мы пили, пили, пили,
Такъ что еле, еле, еле
По домамъ насъ расташили..

И это было высказано совершенно вѣрно. На разныхъ пирушкахъ, чаще всего на именинахъ и дняхъ рожденія Соколова, его гостей буквально растаскивали по домамъ. Такое тогда было время.

Продолжаю мои характеристики. Федоръ Федоровичъ Парвовъ, врагъ монаховъ и поповъ, какъ онъ себя аттестовалъ, былъ угрюмый, необщительный человѣкъ и терпѣть не могъ, когда ему напоминали объ его alma mater—сыскномъ отдѣленіи. Приземистый, плечистый, всегда скверно одѣтый, Парвовъ, приходя въ редакцію, прежде всего требовалъ водки. Таковая всегда имѣлась въ запасѣ. До выпивки онъ никакихъ сообщеній и замѣтокъ не давалъ. Выпи-

валъ онъ обычно изъ чайной чашки, никогда и ничѣмъ не закусывалъ, хотя закуска всегда была налицо.

Говоришь ему, бывало:

— Что же ты, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ?! Закусилъ бы.

— Я всегда языкомъ, однимъ языкомъ закусываю.

— Да нѣтъ тутъ языка.

— И не надо. Я своимъ собственнымъ языкомъ, что у меня во рту, закусываю.

Какъ-то онъ долго не приходилъ и явился чисто одѣтый и даже въ чистой рубашкѣ.

— Гдѣ пропадалъ?—спросилъ его Соколовъ.—Мазуриковъ вслѣживалъ?

— Нѣтъ. У Стасюлевича въ редакціи «Вѣстника Европы» побывалъ.

— Ну! врешь. Тебѣ-то ужъ тамъ не мѣсто.

— А вотъ же былъ. Повѣсть отдалъ. Напечатаютъ. Стасюлевичъ самъ просилъ писать еще.

Повѣсть его дѣйствительно была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы», но только одна. На этомъ его сотрудничество въ большой прессѣ и прекратилось. Въ «Листокъ», благодаря своей профессіи, онъ много давалъ интересныхъ сообщеній. Писалъ онъ тяжело, широкофѣщательно, какъ и подобаетъ заправскому семинаристу.

Скажу нѣсколько словъ о Дмитріи Дмитріевичѣ Минаевѣ, тоже частенько заглядывавшемъ въ «Листокъ». Вѣчно нуждавшійся, несмотря на свое блестящее дарованіе, Минаевъ разсыпалъ свои поэмы, стихи на случай, всякіе экспромпты, эпиграммы безъ расчета, гдѣ попало, и о величинѣ гонорара, казалось, мало заботился. Платили ему полтинникъ, даже рубль за строку—бралъ. Предлагали по двугривенному, на примѣръ, въ «Листкѣ», Дмитрій Дмитріевичъ молча бралъ. Когда я впоследствии издавалъ журналъ «Дешевую Библіотеку», онъ, освѣдомившись, нѣтъ ли въ числѣ сотрудниковъ пошлецовъ (консерваторовъ), далъ и мнѣ для февральской книги цѣлую поэму «Углы». Я могъ предложить ему только гривенникъ за строку. Никакого протеста, даже кислой мины это у него не вызвало. Но если дѣло касалось убѣжденія или того, что онъ обзывалъ «подлостью», овечка-Минаевъ превращался въ волка.

Язвительны, злы были эпиграммы и словечки Дмитрія Дмитріевича Минаева, но самъ онъ былъ не злой человѣкъ. Семейная жизнь его была самая неприглядная. И пилъ онъ, главнымъ образомъ, отъ разныхъ горечей своей семейной жизни.

— Зачѣмъ ты, Митя, пьянствуешь?—спросилъ я его какъ-то.

— Потому, что я женатъ.

— Что за вздоръ городишь?.

— А ты прежде женись, да попади на такую женщину, которая..., а затѣмъ и уразумѣешь.

Минаевъ не былъ постояннымъ сотрудникомъ «Листка». При безденежьи отъ давалъ стихи Соколову, получалъ деньги и исчезалъ на болѣе или менѣе продолжительное время.

Отвѣтственнымъ редакторомъ въ журналѣ «Дѣло» былъ Николай Ивановичъ Шульгинъ—майоръ и добрыйшій человекъ. Онъ тоже заглядывалъ въ редакцію «Листка». Онъ и Шеллеръ-Михайловъ являлись тогда столпами благосвѣтловской редакціи. Послѣ на первый планъ выступилъ Шелгуновъ. Этого я почти не зналъ лично. Но Берви (Флеровскій), Ѳедоровъ-Омулевскій, Старостинъ, нынѣ окончательно забытый, были мнѣ хорошо знакомы: Берви—энтузіастъ, утопистъ, проповѣдывалъ скороснѣлую революцію и даже дюжину грядущихъ Пугачевыхъ. Таланта въ немъ было немного, но искренности, порывовъ, упованій—хоть отбавляй.

Ѳедоровъ-Омулевскій написалъ одинъ хорошій романъ, въ которомъ, однако, помѣстилъ интеллигентную полку, изъ принципа, что всѣ люди равны, живущую съ мужикомъ. Онъ договорился до лошадиной революціи. Лошадь покорена человекомъ, но настанетъ время, когда лошади сбросятъ его.

Дальше, какъ лошадиная революція, кажется, идти было уже некуда.

Я упомянулъ о Шеллеръ-Михайловѣ. Съ нимъ я былъ близокъ на зарѣ и его, и моей литературной карьеры. Онъ кончилъ, а я нынѣ кончаю далеко не такъ, какъ бы слѣдовало кончить. Шеллеръ одно время считался въ первомъ ряду, чуть не гениемъ; это послѣ напечатанія его романа «Жизнь Шупова, его родныхъ и знакомыхъ». А тогда не такъ легко было выдвинуться впередъ романомъ. Жили и писали Тургеневъ, Писемскій и расцвѣталъ Л. Н. Толстой. Послѣ «Шупова» талантъ Шеллера пошелъ на ущербъ. Странная манера у него была творчества. Жилъ онъ съ отцомъ и матерью въ казенномъ зданіи для дворцовыхъ служителей, что у Прачечнаго моста, занималъ одну большую комнату. Его отецъ былъ придворный служитель, что нимало не скрывалось Шеллеромъ. Онъ зашелъ, кажется, въ іюлѣ 1869 года ко мнѣ и говоритъ:

— Поѣдемъ сегодня въ Петергофъ.

— Почему именно въ Петергофъ и сегодня?

— Отецъ мой будетъ служить за царскимъ столомъ. Я тебѣ его покажу.

Мы поѣхали. Высочайшій обѣдъ былъ въ большомъ петергофскомъ дворцѣ. Окна были открыты. И я видѣлъ стараго Шеллера стоящимъ съ тарелкою за стуломъ Александра II.

Шеллеръ работалъ, если такъ можно выразиться, черезчуръ систематично. Начиная писать романъ, Александръ Константиновичъ бралъ нѣсколько листовъ бумаги и озаглавливалъ: вступленіе, завязка... Пустыя мѣста оставлялись для будущихъ замѣтокъ. Затѣмъ шелъ рядъ листовъ съ означеніемъ главъ и краткими замѣтками ихъ содержанія.

Ни капли свободного творчества. Завѣтъ Пушкина, что даль свободного романа чрезъ магическій кристаллъ онъ не ясно различалъ, положительно отрицался Шеллеромъ. Его романы до написанія были уже обдуманы до мелкихъ подробностей. Едва ли это, однако, правильный приѣмъ.

Незадолго до его смерти я, вернувшись изъ моихъ провинціальныхъ скитаній, зашелъ къ нему. Онъ жилъ въ домѣ Добродѣева и редактировалъ его изданія.

— Боленъ онъ. Не принимаетъ никого, — сказала мнѣ среднихъ лѣтъ дама, сама отворившая дверь. — Кто вы?

Я сказалъ. Изъ маленькаго кабинетика возлѣ передней Шеллеръ крикнулъ:

— Тебѣ приму. Входи скорѣе.

Не прежній Шеллеръ, а развалина поднялась съ дивана при моемъ входѣ. Просидѣлъ я у него часа два, и все время онъ бранился: о всѣхъ отзывался съ желчью, ничего хорошаго не видѣлъ. Новые люди литературы его забыли. Онъ не шелъ къ нимъ навстрѣчу, они не хотѣли его знать. Атмосфера «Сына Отечества» и «Иллюстраціи» господина Добродѣева его тяготила. Силъ уже не было; не было и успѣха руководимыхъ имъ изданій. Бѣдный Шеллеръ!

Х.

Я ушелъ въ 1871 году изъ «Петербургскаго Листка». Атмосфера оказывалась очень ужъ затхлою. Новые сотрудники газеты были другого подбора. Издавалъ я въ 1871 году «Дешевую Библіотеку», въ которую для первыхъ книжекъ дали свои статьи, какъ я уже упомянулъ: Минаевъ, Шеллеръ, Глѣбъ Успенскій, Левитовъ. Но журналъ не пошелъ. Не умѣлъ я рекламировать, и средствъ не хватило. На свою пагубу приобрѣлъ я отъ покойнаго Мануила Хана журналъ, выходившій безъ предварительной цензуры, «Всемирный Трудъ» и... провалился самымъ неожиданнымъ образомъ.

Въ объявленіи о переходѣ журнала подъ мою редакцію проскользнуло слово «радикальное» — не то направленіе, не то измѣненіе программы. Михайлъ Лонгиновъ, тогдашній главноуправляющій по дѣламъ печати, вызвалъ меня. Кто изъ насъ, литераторовъ, не помнитъ знаменитой пріемной главнаго управленія, двери начальника со стоящимъ на стражѣ унтеромъ и группы сидящихъ въ ожиданіи пріема: чающіе движенія воды въ этой овчей купели. Усѣв-

шисъ въ креслѣ у окна, я ждалъ. И, признаюсь, ждалъ далеко не спокойно. Двоихъ чающихъ пригласили въ кабинетъ. Я продолжалъ сидѣть и ждать. Вдругъ дверь отворилась, и не вышелъ, а буквально выскочилъ толстый господинъ, плечистый, черноволосый, въ золотыхъ очкахъ. Это былъ Михайла Лонгиновъ.

— Издатель «Всемирнаго Труда!»—закричалъ онъ.

Я подошелъ.

— Радикаль!! вы, сударь, радикаль!—раздался еще болѣе грозный окрикъ.—Я вамъ покажу радикализмъ.

Глаза у него горѣли, онъ просто рычалъ, не давалъ говорить. Приходилось отмалчиваться.

Лонгиновъ продолжалъ неистовствовать:

— У васъ два предостереженія на журналѣ.

— За время редакціи Хана,—вернулъ я слово.

— Знаю. Я дамъ вамъ третье предостереженіе и на шесть мѣсяцевъ приостановлю изданіе.

Слѣдовало покориться. Но какой-то бѣсъ подтолкнулъ меня противорѣчить.

— Въ книгѣ, которую я выпущу за мартъ,—началъ я:—не будетъ ничего предосудительнаго. Разсчитываю, что ваше пресвосходительство предостереженія, мнѣ не дадите.

— Дамъ. Сто разъ вамъ повторять: непременно дамъ.

Озлѣбившись, я выкинулъ такую штуку. У меня была переводная повѣсть съ нѣмецкаго «Полицейскій тиранъ» Фридриха Фридриха. Подлинникъ этой повѣсти я представилъ въ кабинетъ иностранной цензуры и безъ затрудненія получилъ разрѣшеніе на помѣщеніе перевода. Этого «Полицейскаго тирана» я поставилъ во главѣ книги за мартъ. И какъ разъ случилось то, на что я разсчитывалъ: мнѣ было дано третье предостереженіе съ указаніемъ на злосчастнаго «Полицейскаго тирана».

Къ Лонгинову съ объясненіемъ я не пошелъ, а явился въ пріемный день къ министру внутреннихъ дѣлъ Тимашеву. Въ пріемной было человѣкъ десять. Бывшій могилевскій губернаторъ Беклемишевъ (причисленный къ министерству), знавшій меня хорошо, спросилъ:

— Вамъ что же надо? Министръ вами недоволенъ.

— Все равно. Будьте добры, доложите.

Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ министръ и прямо подошелъ ко мнѣ со словами:

— Я васъ не прошу и предостереженія не отмѣню. Вы—радикаль.

— Ваше высокопревосходительство,—началъ я.—Вы введены въ заблужденіе, васъ подвели.

— Что такое?! Какъ вы смѣете это утверждать?

— Смѣю потому, что это правда.

Тутъ я подалъ ему разрѣшеніе иностранной цензуры на переводъ

и печатаніе повѣсти Фридриха Фридриха, а между тѣмъ именно за эту повѣсть мнѣ дано предостереженіе.

Министръ побагровѣлъ и началъ на меня кричать. Недолго думая, не ожидая конца гнѣвныхъ вскриковъ, я сдѣлалъ поклонъ и ушелъ.

Черезъ двѣ недѣли «Всемирный Трудъ» былъ запрещенъ навсегда. Кромѣ того, въ редакцію «Листка» было дано знать, чтобы тамъ никакихъ статей отъ меня не принимали.

Полное разореніе стряслось надо много.

ХІ.

Прошли годы тяжелыхъ скитаній, и я снова очутился въ Петербургѣ. Лонгинова уже не было. Вольнѣе дышалось. Какъ будто начиналась весна. Обманчивая, впрочемъ, весна. На то Петербургъ. Трудно было мнѣ снова куда-нибудь пристроиться. Соколовъ сдалъ «Листокъ» Владимірскому, остался редакторомъ, попрежнему моталъ во всю и поправлялъ ресурсы своимъ многописаніемъ. Помѣстить что-либо было мудрено.

Какъ-то, ужъ и самъ не знаю, удалось мнѣ попасть къ Пятковскому. Сперва въ его «Наблюдатель», а когда онъ началъ издавать ежедневную газету «Гласность», даже въ завѣдывающіе этой газетой. Газета, по недостатку средствъ, скоро прогорѣла, но «Наблюдатель» просуществовалъ до смерти Пятковского, до начала девяти-сотыхъ годовъ. О Пятковскомъ въ литературной средѣ осталось не совсѣмъ хорошее, скорѣе, неопредѣленное мнѣніе. И совершенно несправедливо. Дѣла его были болѣе чѣмъ плохи; онъ торговался съ авторами, урѣзывалъ гонораръ, но что платить условился— всегда платилъ. Закладывалъ даже часы и кольца и должное выплачивалъ. Въ крайнемъ случаѣ не сказывался дома. Но какъ только гдѣ разживался деньгами, сейчасъ расплачивался. Евреевъ онъ ненавидѣлъ, а могъ бы получать и много получать отъ банковъ и богачей. Въ отношеніи подкупа Пятковскій былъ чистъ. Жилъ очень скромно, самъ писалъ много, самъ держалъ корректуру и вообще былъ работникъ. Таланта у него не было; вкусу, редакторской смѣтки тоже не было. Однажды передъ подпискою, когда я пришелъ въ редакцію, Пятковскій съ просвѣтленнымъ лицомъ сказалъ мнѣ:

— Ну, за подписку я теперь покоенъ. У, какую крупную рыбицу выудилъ!

— Что вы приобрѣли, какъ гвоздь для будущаго года?—спрашиваю.

— Романъ Михайлова-Шеллера. И заплатилъ же я за него. Деньги впередъ по пятидесяти рублей за листъ, листовъ двадцать.

Надо ли говорить, что романъ Шеллера оказался плохимъ, подписки не привлекъ и окончательно подорвалъ Пятковского.

Въ «Наблюдателѣ» я писалъ внутреннее обозрѣніе и политику. Самъ Пятковский писалъ фельетонъ. Разборъ книгъ тоже лежалъ на мнѣ. За всѣ эти работы онъ платилъ мнѣ въ мѣсяцъ 75 рублей. Мало, очень мало, но... не разъ мнѣ случалось замѣчать, когда я приходилъ за деньгами, что шуба Пятковского отправлялась въ закладъ. Не хватало духу просить прибавки. Въ «Наблюдателѣ» я помѣстилъ нѣсколько моихъ романовъ. За послѣдній «Далекіе годы» Пятковский заплатилъ мнѣ тѣмъ, что принялъ печать и бумагу для отдѣльнаго изданія «Далекіхъ годовъ» на свой счетъ. Пришлось что-то не свыше одиннадцати рублей съ печатнаго листа.

Послѣ выхода книги, когда я по обычаю принесъ мое «Внутреннее обозрѣніе», Пятковский взялъ меня подъ руку и увелъ въ кабинетъ.

— Хорошая книга,—сказалъ онъ, похлопывая рукой по моей книгѣ.—Знаете, что мнѣ сказалъ предсѣдатель цензурнаго комитета: у насъ, говорить, вчера обсуждали книгу Окрейца. Надо бы запретить, но рука не поднимается.

Мнѣ, разумѣется, было пріятно это слышать. Пятковский помолчалъ немного и снова началъ:

— Вы посвятили книгу Суворину. Лично вы его знаете?

— Нѣтъ. Знаю только, какъ издателя лучшей у насъ газеты и какъ автора «Маленькихъ писемъ».

— Высокодаровитый человѣкъ. Но вамъ это посвященіе даромъ не пройдетъ отъ нашихъ лѣвыхъ братій. Васъ замолчатъ. Что бы вы ни написали, нигдѣ ни слова не будетъ сказано.

Я пожалъ плечами. Но оказалось, что не всѣ лѣвые были противъ меня. Покойный Скабичевскій посвятилъ два фельетона разбору моихъ «Далекіхъ годовъ» и очень высоко ставилъ книгу. Суворинъ купилъ у меня все изданіе, но и тутъ вышелъ для меня скверный казусъ: управлявшій магазиномъ, теперь уже покойный, Колесовъ, обидѣлся, зачѣмъ все дѣло рѣшилось безъ его вѣдома и участія.

— Деньги вы получите,—сказалъ онъ мнѣ:—но книга ваша не пойдетъ.

Не было ни объявленій, ни помѣщенія въ каталогѣ. Всѣ экземпляры просто запрятали въ кладовую. Даже въ витрину не попали мои книги.

Очень ужъ трудно было жить на 75 рублей въ мѣсяцъ, и работы по «Наблюдателю» было много. Кстати подвернулся Езерскій и пригласилъ меня въ Москву редактировать его счетоводный журналъ. О счетоводствѣ итальянскомъ, англійскомъ и русскомъ (изобрѣтеніе самого Езерскаго) я не имѣлъ даже приблизительнаго понятія. Езерскій увѣрялъ, что это «ничего».

Я долженъ былъ писать только общія статьи, для приданія журналу литературности, а Езерскій писалъ самъ о счетоводствѣ. Плохое это было изданіе. Самъ Езерскій былъ чудодѣй и, главнымъ образомъ, хлопоталъ получить дѣйствительнаго статскаго, какъ изобрѣтатель русской тройной булгалтеріи. Желанный чинъ онъ скоро получилъ и затѣмъ прекратилъ свой счетоводный журналъ. И вотъ я остался въ Москвѣ, какъ говорится, при пиковомъ интересѣ.

Дай Богъ здоровья Ал—рову, управляющему акцизной системой въ Москвѣ: онъ далъ мнѣ, внѣ очереди, мѣсто продавца въ винной лавкѣ. Годъ просидѣлъ я въ лавкѣ въ Хамовникахъ, видѣлся нѣсколько разъ съ Л. Н. Толстымъ, благо его домъ былъ недалеко отъ лавки. Не имѣлъ я ни малѣйшей способности къ торговлѣ и даже считалъ плохо. Все дѣло велъ мой помощникъ—и въ результатѣ оказался недочетъ на нѣсколько сотъ рублей. Залогъ мой пропалъ и пришлось продать женинъ рояль и библіотеку, снова перебраться въ Петербургъ.

Въ Москвѣ, кромѣ журнала Езерскаго, я немного работалъ у Козицкаго въ его «Русскомъ Листкѣ» (переименованъ въ «Раннее Утро») и въ «Русскомъ Словѣ» у И. Сытина. Козицкій платилъ очень неаккуратно, а у Сытина на меня ополчилась дюжина Кугелей. Дорошевича еще не было. Газета шла не бойко, и воевать съ евреями мнѣ надоѣло. Какъ я сказалъ выше, недолго думая, я переѣхалъ въ Питеръ.

С. С. Окрейць.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА ¹⁾.

XII.

ВЪ НАЧАЛѢ девяностыхъ годовъ, а, можетъ быть, и нѣсколько раньше, Николай Худковъ, управлявшій «Петербургской Газетой», сынъ ея издателя С. Н. Худкова, обратился ко мнѣ съ предложеніемъ интервьюировать, не упомяну ужъ, по какимъ вопросамъ, извѣстнаго писателя-публициста, Николая Константиновича Михайловскаго. Официальнымъ интервьюеромъ при редакціи состоялъ Гейнце. Мнѣ итти интервьюировать, въ особенности Михайловскаго, вовсе не улыбалось.

— Да вы бы лучше послали Гейнце. Онъ умѣлый, а я никогда и никого еще не интервьюировалъ.

— Нельзя. Михайловскій вернулъ его карточку и просилъ больше его не беспокоить. Вы же съ нимъ, кажется, знакомы!

— Очень мало. Встрѣчался нѣсколько разъ. Пожалуй, онъ и меня попроситъ его не беспокоить, просто не приметъ.

— Попробуйте.

Пришлось итти, иначе моя работа въ «Петербургской Газетѣ», навѣрное бы, прекратилась. Худковъ не допускалъ неисполненія своихъ распоряженій.

Михайловскій жилъ гдѣ-то за артиллерійскими казармами, въ невзрачномъ двухъэтажномъ домикѣ. Входъ по темной лѣст-

¹⁾ Окончаніе. «Историч. Вѣстн.», т. CXIV, стр. 613.

ницѣ. Передняя тѣсная, маленькая. Когда я вошелъ, Николай Константиновичъ разговаривалъ съ толстой дамой о какой-то рукописи. И, Боже мой, какимъ онъ показался мнѣ худенькимъ, маленькимъ, буквально ветхенькимъ, изжившимъ въ сравненіи со своей толстой и здоровой собесѣдницей. Отъ прежняго красавца Михайловскаго начала 80-хъ годовъ рѣшительно ничего не осталось.

На порогѣ кабинета, маленькаго и довольно грязнаго, стоялъ старичекъ съ длинными сѣдыми волосами, въ какомъ-то архалучкѣ и тщетно пытался переспорить очень голосистую барыню. Споръ кончился тѣмъ, что онъ махнулъ рукой и сказалъ: «Ну, пусть будетъ по-вашему».

— Я сдамъ рукопись въ типографію?

— Сдавайте. Только...

— Никакого только. Сдамъ—пусть набираютъ.

Дама ушла. Михайловскій не совсѣмъ любезно обратился ко мнѣ:

— Опять интервью отъ Худекова? Мы съ вами встрѣчались? Какіе-то вопросы выдумываетъ Худековъ? О дворникахъ, о выгребныхъ ямахъ... Ну, его!

Пришлось объяснить, что, если онъ откажется отвѣчать, моя работа въ «Петербургской Газетѣ» прекратится, а это для меня хлѣбъ насущный.

Онъ пожалъ плечами, и мы вошли въ кабинетъ. Большой письменный столъ занималъ чуть не треть комнаты и былъ весь заваленъ книгами, газетами, корректурами, рукописями. Что не помѣстилось на столѣ, лежало на подоконникахъ, на стульяхъ. Воздухъ былъ спертый, тяжелый, форточки, очевидно, рѣдко открывались. При нервности Михайловскаго мое интервью шло неуспѣшно. О чемъ мы говорили, теперь не упомяну, только не о дворникахъ и не о выгребныхъ ямахъ, говорили, кажется, о женскомъ вопросѣ. Но меня интересовала самая личность Михайловскаго—крупной литературной единицы, вожака молодежи, передового бойца некрасовскихъ «Отечественныхъ Записокъ». Въ «Русскомъ Богатствѣ» онъ какъ-то умалился, потерялъ свой цвѣтъ. Разговаривая, я присматривался къ нему, и меня поразили въ немъ утомленіе, отсутствіе живого интереса, какая-то апатія. Даже лицо его какъ будто умалилось. Невольно думалось: гдѣ ты, былой Михайловскій, вулканическій полемистъ недавняго прошлаго?

— Вы нездоровы?—говорю ему.

— Задыхаюсь. Говорите короче, что вамъ отъ меня надо?

Я по возможности сократилъ свои вопросы, къ великому потомъ неудовольствію Худекова.

— Мало, очень мало!—говорилъ потомъ Худековъ мнѣ, швыряя мое, безспорно, очень сжатое интервью.—Вы могли бы о Михайловскомъ написать въ три раза больше. Наружность описать, какъ

онъ одѣтъ, что теперь пишетъ, какъ фамилія той дамы, съ которой онъ все спорилъ. Все это о такомъ человѣкѣ, какъ Михайловскій, для публики интересно.

Года два спустя, на одномъ вечерѣ Литературнаго фонда Петръ Исаевичъ Вейнбергъ встрѣтилъ меня въ толпѣ, переполнявшей залъ, взялъ подъ руку и провелъ чрезъ комнату участвовавшихъ на эстраду, говоря:

— Такому старому писателю не мѣсто въ толпѣ.

Встрѣтился я тутъ съ Бараццевичемъ, знакомымъ мнѣ еще со временъ благосвѣтловскаго «Дѣла», очень постарѣвшимъ и измѣнившимся. Романы его теперь забыты, но въ 80-хъ годахъ они читались охотно. Но вотъ кто меня удивилъ, такъ это готовившійся что-то читать Варламовъ. Прежній художавый актерикъ, игравшій Калхаса въ «Прекрасной Еленѣ», страшно разжирѣлъ, превратился въ бочку. Оперетка его сушила, а на драмѣ онъ раздобрѣлъ. Въ углу на диванѣ сидѣлъ Михайловскій. Мы поздоровались.

— Будете сегодня читать?—спрашиваю.

— Нѣтъ, нездоровится. Такъ зашелъ. И на мое имя пока идетъ публика, и вечера Литературнаго фонда — хорошее дѣло, помогать слѣдуетъ.

Когда онъ появился на эстрадѣ, долго не умолкавшіе аплодисменты привѣтствовали появленіе любимаго, популярнаго среди молодежи писателя.

Николай Константиновичъ былъ, очевидно, очень нездоровъ. Мнѣ показалось, что печать смерти легла уже на его лицо.

— Вы все еще у Худекова работаете?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, бросилъ.

— И хорошо сдѣлали. Развѣ берлога Худекова имѣетъ что-либо общаго съ литературой? Это просто гешефтъ, не болѣе. Кто тамъ работаетъ? Авсѣенко, еще Лейкинъ, Баталинъ какой-то.

— Это казовой конецъ сотрудниковъ,—пояснилъ я.—Что дальше, то пошлѣе.

— Что же вы теперь дѣлаете?

— Ничего.

Онъ засмѣялся. У меня тогда дѣйствительно былъ періодъ унынія, и я, сидя въ Павловскѣ, ничего не писалъ.

Михайловскій скоро уѣхалъ, а я задался вопросомъ: отчего это талантливые люди на Руси живутъ такъ недолго? Мало кто уцѣлѣлъ изъ людей 60-хъ годовъ. Мало того, большинство умираетъ, утративъ въ себя вѣру, найдутся и такіе, которые, какъ писалъ Тургеневъ, сжигаютъ, уходя изъ жизни, все, чему поклонялись, и поклоняются тому, что сжигали.

Приговоръ Михайловскаго относительно «Петербургской Газеты» я считалъ рѣзкимъ, партійнымъ. У насъ нѣтъ бульварныхъ газетъ, вѣроятно, за отсутствіемъ бульваровъ, но маленькая пресса необ-

ходима и въ ея нѣдрахъ формируются иной разъ таланты, хотя бы взять Чехова, тоже начавшаго съ «Петербургской Газеты». Темную сторону составляютъ такіе люди, люди гешефта, какъ Худековъ-сынъ. Воспитанникъ училища правовѣдѣнія, очень пеглуный, даже способный, онъ могъ бы лучше направить свою весьма ходкую газету, а ограничился однимъ увеличеніемъ доходовъ, тиражной продажи нумеровъ. Еще не могу простить ему его грубость съ сотрудниками, которыхъ онъ никогда не приглашалъ въ своемъ кабинетѣ присѣсть, даже дамъ. Обычно онъ такъ обрывалъ посѣтителей:

— Принесли что? Кладите на столъ... Не то! опять не то... Не приму... Напечатаю! Не будетъ напечатано... Авансовъ не даю. Чего вы еще ожидаете? Уходите.

Только хромой Лейкинъ и безцеремонный Баталинъ сѣли на диванъ редакторскаго кабинета. Помнится, я тоже однажды усѣлся на этотъ диванъ, пока Худековъ бесѣдовалъ съ другими. Покончивъ бесѣду, онъ пристально поглядѣлъ на меня и, когда я вышелъ, крикнулъ:

— Гермоніусъ!

Гермоніусъ торопливо вошелъ.

— Возвратите г. Окрейцу статью его, которую я назначилъ къ помѣщенію. Она напечатана не будетъ.

Даже Гейнце былъ возмущенъ такимъ поступкомъ Николки, хозяйскаго сына, какъ звали младшаго. Кстати о Гейнце. Онъ былъ извѣстенъ своей беззастѣнчивой плагиатурой. Забытые романы и повѣсти 40-хъ годовъ онъ перепечатывалъ подъ своей подписью, слегка сдабривая своими вставками. Много разъ его обличали. Но всѣ эти обличенія и для него и для Худекова были какъ съ гуся вода. Зарабатывалъ Гейнце много, услуживая редактору не всегда литературою. Въ редакціи онъ безсмѣнно дежурилъ съ ранняго утра. Покойный А. Соколовъ, иногда проѣздомъ изъ Москвы появлявшійся въ редакціи «Петербургской Газеты», любилъ потравить г. Гейнце.

— Что ты щеку-то подвязалъ?—спрашивалъ онъ его.

— Зубы болятъ.

— Врешь?! Зубы цѣлы ли, скажи лучше?

— Смѣлъ бы кто!—ворчалъ Гейнце.

— Найдутся смѣльчаки. Ты куда же это?—останавливалъ онъ Гейнце, увидя, что тотъ уходитъ.

— Домой. Дѣло есть...

— Останься. Кто же калоши подастъ Николаю Сергѣевичу, когда онъ будетъ уходить?

— Отвяжись!—рычалъ несчастный Гейнце, доведенный, какъ говорится, до бѣлаго каленія.

Худековъ былъ замѣчательно трудолюбивъ. Не помню дня, чтобы онъ когда-нибудь проманкировалъ, не пришелъ въ редакцію.

Въ день извѣстнаго покушенія на Столыпина на Аптекарскомъ островѣ онъ разослалъ собирать свѣдѣнія всѣхъ, кто былъ въ редакціи, не исключая и хромого Лейкина. Но не успокоился. Сѣлъ на извозчика самъ и помчался. Зато въ вечернемъ выпускѣ и на утро въ «Петербургской Газетѣ» было многое множество подробностей покушенія. Публика буквально рвала газетку у разносчиковъ. Вечеромъ часу въ десятомъ мы, сотрудники, всѣ снова сошлись въ редакціи. Николай Сергѣевичъ явился изъ типографіи потный, усталый и объявилъ:

— А я еще не обѣдалъ. Зато вѣдь и розница на диво. Не успѣвали печатать. Почаще бы такіе дни...

И это хладнокровно говорилъ о страшномъ днѣ убійства десятковъ невинныхъ людей, о днѣ пскалѣченныхъ женщинъ и дѣтей, говорилъ человѣкъ неглупый, прикосновенный къ литературѣ. Вотъ что значитъ жадность къ наживѣ!

ХІІІ.

Виссаріопъ Виссаріоновичъ Комаровъ, высокій, тучный, страдавшій одышкой, былъ въ противоположность Худекову, очень любезенъ и предупредителенъ. Авансы у него можно было получать безъ особаго затрудненія. Но попасть постояннымъ сотрудникомъ въ газету «Свѣтъ» было мудрено, особенно пока редакторомъ сидѣлъ Стечкинъ—угрюмая и бездарная личность. Онъ боялся всякаго свѣжаго человѣка и мирился только съ сотрудничествомъ одной, тоже нынѣ умершей, Александры Ивановны Соколовой. Стечкинъ сильно пилъ, страдалъ каценъ-ямеромъ по утрамъ, говорилъ хриплымъ басомъ и отмахивался отъ всякихъ рукописей, даже не читая ихъ.

— Что вы! Что вы! Идите къ Виссаріону Виссаріоновичу. Мѣста нѣтъ въ газетѣ,—говорилъ онъ посѣтителемъ, даже не справляясь, что они принесли.

Но поймать самого Виссаріона Виссаріоновича было трудненько. Кромѣ редакціи, у него было много дѣла: онъ строилъ тогда свои дома на Невскомъ.

Помню, я перевелъ съ польскаго интересный романъ «Ураганъ»—исторія любви Наполеона и Валевской. Вручить переводъ Стечкину было опасно: онъ бы его преспокойно затерялъ. Принялся отыскивать и ловить Комарова. Швейцаръ, получивъ двугривенный, шепнулъ:

— Идите на лѣса флигеля, что строится на дворѣ. Тамъ генералъ. Только что изволилъ прибыть.

Взобрался я, кажется, на седьмой этажъ и встрѣтилъ запыхавшагося и усталаго Виссаріона Виссаріоновича. Дѣло съ переводомъ сейчасъ же было улажено.

— Охота,—говорю ему,—вамъ такъ мучиться!

— А пельзя иначе,—вздыхая, отвѣтилъ старичекъ.—Вотъ сейчасъ стѣну всухую вывели. Велѣлъ сломать. Только не досмотри—и бѣда.

Впослѣдствіи, когда дома достроились, у старика Комарова былъ великолѣпный кабинетъ—обширный, свѣтлый. Даже отказывая помѣстить что-либо, привѣтливый старикъ пожималъ дружески руку и говорилъ:

— Прошу сотрудничать. Очень прошу...

— Да вотъ вашъ Стечкинъ...

— Что Стечкинъ! Надоѣлъ онъ мнѣ...

Послѣ смерти Стечкина, кажется, редактировалъ «Свѣтъ» Облеуховъ. Но вся редакція лежала и, кажется, до сего дня лежитъ на секретарѣ редакціи.

Александру Иванову Соколову (псевдонимъ, кажется, *Синее Домино*) я встрѣчалъ и въ редакціи «Свѣта», и потомъ въ редакціи «Историческаго Вѣстника» и всегда дивился энергіи этой женщины. Чего только она не написала въ своей жизни: съ десятковъ романовъ, сотни статей и замѣтокъ и очень любопытные мемуары напечатанные потомъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

— Вы еще живы?—спросила она меня какъ-то на лѣстницѣ комаровскаго дома. Редакція тогда помѣщалась въ 7-мъ этажѣ.

— Ну, живъ и на лѣстницу, какъ видите, свободно поднимаюсь.

— Да вѣдь вамъ лѣтъ сто будетъ.

— Чутьочку поменьше.

— Пробавляетесь переводами. Трата времени. Пишите-ка лучше воспоминанія. Много вы видали. Пишите мемуары.

По ея совѣту я и началъ писать свои литературныя воспоминанія.

XIV.

Въ девяностомъ году я написалъ книгу «Далекіе годы» и помѣстилъ въ «Наблюдателѣ» Пятковского. вмѣсто гонорара получилъ 720 экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ въ желтой обложкѣ и весьма аккуратно сброшюрованныхъ. Работа мнѣ самому показала-ся хорошей, по совѣту Пятковского я посвятилъ мою книгу Алексѣю Сергѣевичу Суворину. Въ его газетѣ я ничего не писалъ и даже лично тогда знакомъ съ нимъ не былъ. Александръ Петровичъ Пятковскій такъ опредѣлилъ значеніе Суворина: лучшая газета у насъ, газета—Суворина, лучший театръ тоже его, а «маленькія письма» стоятъ иныхъ большихъ книгъ. Лѣвые нападутъ на васъ за ваше посвященіе ему—но ничего. Вы, Станиславъ Станиславовичъ, поступили правильно. Старикъ достойный.

Черезъ третье лицо мнѣ передали, что Суворинъ желаетъ меня видѣть.

Крупная единица въ литературѣ! Я охотно пошелъ съ нимъ знакомиться.

Случалось мнѣ не разъ ходить въ редакціи и объясняться даже съ крупными редакторами—и ничего: особеннаго волненія я не испытывалъ. Но, входя къ Суворину, я былъ не спокоенъ. Онъ слылъ рѣзкимъ и мало съ кѣмъ церемонился. А что какъ онъ скажетъ: «Дернулъ васъ чортъ посвящать мнѣ вашу книгу, не спросясь? И книга ваша ничего не стоитъ...» Скверно будетъ въ такомъ случаѣ. А вѣдь онъ не поцеремонится и скажетъ, пожалуй!

Кабинетъ Суворина былъ большая комната, почти залъ, сколько помню, въ три окна. Отъ двери шкапы съ книгами отгораживали проходъ. Пройдя его, я увидѣлъ около стола у окна Суворина. Онъ сейчасъ же всталъ, подавъ руку, сказалъ, что радъ познакомиться, и поблагодарилъ за посвященіе книги. О рѣзкости и безцеремонности не было и помину.

— Я давно васъ знаю, Станиславъ Станиславовичъ! Сто лѣтъ васъ знаю.

— И вамъ, и мнѣ, говорю, много меньше лѣтъ.

— Годы литераторовъ и годы календарные далеко не одно и тоже.

— Пожалуй, вы правы,—согласился я.—И у меня были годы, стоявшіе двухъ и даже трехъ лѣтъ.

— Гдѣ вы теперь работаете?

— Въ «Наблюдателѣ» у Пятковского.

— Несчастный человѣкъ. Способностей вести изданіе у него нѣтъ, капитала тоже нѣтъ. Слышалъ я, предлагали ему продать «Наблюдатель»,—заломилъ несуразную цѣну и поставилъ условіемъ, чтобы ему оставаться редакторомъ. Что вы тамъ пишете?

Перечислилъ отдѣлы журнала, мною занятыя.

— А сколько получаете?

— Всего семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ.

— Совсѣмъ невозможная плата. Пишите у меня.

Я, конечно, поблагодарилъ. Но писать въ «Новомъ Времени» мнѣ не пришлось. Вскорѣ переманилъ меня въ Москву Езерскій-счетоводъ.

Отъ Суворина я вышелъ въ самомъ пріятномъ настроеніи. Подъ суровой наружностью у этого человѣка бездна отзывчивости, деликатности, пониманія людей.

О его «Маленькихъ письмахъ» разнo судили. Но я повторю слова Пятковского, что нѣкоторые изъ этихъ маленькихъ писемъ стоили дороже иныхъ большихъ книгъ.

Чтобы покончить съ моими отношеніями и знакомствомъ съ Суворинымъ, добавлю: этого замѣчательнаго человѣка мнѣ пришлось еще встрѣтить на ежемѣсячныхъ собраніяхъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника». Мнѣ очень понравились его тогдашнія за-

явленія, чтобы не было на этихъ собраніяхъ спичей, не говорилось рѣчей, съ тостами и безъ тостовъ, а чтобы шла простая товарищеская бесѣда. Самъ Суворинъ былъ очень занимательный и пріятный собесѣдникъ.

Суворинъ былъ простой русскій человѣкъ изъ народа со всѣми присущими русскому простолюдину достоинствами и недостатками. Онъ именно разбрасывался по-россійски въ своихъ дѣлахъ: театръ, книжные магазины, кіоски, безчисленные изданія—на все это его хватало. Цѣлые легіоны людей приставали къ нему, имѣли съ нимъ дѣла, и, что всегда меня въ немъ поражало, онъ не имѣлъ вида человѣка, черезъ мѣру отягощеннаго работой,—совершенная противоположность Краевскому, котораго я только разъ видѣлъ и, по своей неопытности, счелъ за Атласа, поддерживающаго на своихъ раменахъ цѣлый міръ,—такимъ онъ казался занятымъ и озабоченнымъ. Алексѣй Сергѣевичъ дѣлалъ свое дѣло какъ-то легко и просто. Ему везло, ему посчастливилось. Не оспариваю. До него на изданіи «Новаго Времени» нѣсколько человѣкъ прогорѣло, а онъ обогатился. Но, господа строгіе судья: день счастья, годъ счастья и удачи, много лѣтъ счастья и удачи, дайте же сколько-нибудь умѣнья и таланта. Онъ увлекался многими людьми, цѣнилъ ихъ выше мѣры и ихъ таланты, но зато онъ и угадалъ способности многихъ. Ну, хотя бы Чехова или Сергѣя Николаевича Шубинскаго...

XIV.

Перехожу къ моему знакомству съ этимъ незабвеннымъ для меня и дорогимъ для моего сердца человѣкомъ Сергѣемъ Николаевичемъ Шубинскимъ. Прямо заявляю: если бы не его поддержка, мнѣ пришлось бы очень круто по возвращеніи моемъ въ Петербургъ послѣ крушенія моихъ московскихъ надеждъ.

Мои литературныя гастроли въ Москвѣ сказались очень плохими результатами. Я ли былъ виноватъ, или люди были виноваты, или, наконецъ, ужъ такъ сложились обстоятельства, но только по прошествіи трехъ лѣтъ мнѣ пришлось въ Москвѣ очутиться почти на мостовой.

Оеодоръ Венедиктовичъ Езерскій, пригласившій меня редактировать его счетоводный журналъ, не выдержалъ и года: прекратилъ изданіе. Ну его къ Богу! не хочу о немъ много распространяться. Какъ разъ къ этому времени подоспѣла и другая бѣда. Попытка писать въ «Русскомъ Словѣ» не удалась. Редакторомъ былъ приглашенъ Шараповъ, разыгрывавшій роль какого-то калифа. Самъ издатель Сытинъ его побаивался.

— Ну-ка, попробуйте, спросите сами, будетъ онъ печатать ваши статьи, а я вашему сотрудничеству радъ,—говорилъ Сытинъ мнѣ, встрѣтивъ въ пріемной редакціи.

Секретаремъ былъ старшій Гермоніусъ. Онъ рѣзко сказалъ:

— Ничего не напечатаетъ.

— Да почему?

— А подите, спросите у него. Только не совѣтую и спрашивать. Оборветъ!

Я однакоже вошелъ въ редакторскій кабинетъ.

За большимъ столомъ сидѣлъ массивный (иначе не могу выразиться!) Шараповъ—человѣкъ неладно скроенный, но крѣпко сшитый. Передъ этимъ мы нѣсколько разъ встрѣчались. Пристально посмотрѣвъ на меня, онъ молча указалъ пальцемъ на сосѣдній стулъ.

Молчаніе длилось съ минуту. Шараповъ дописалъ что-то и расчеркнулся.

— Теперь поговоримъ!

— Поговоримъ,—согласился я.

— Вы, конечно, знаете, что я былъ у Аксакова въ его газетѣ правой рукой. И по сегодня я остался вѣренъ его завѣтамъ, его убѣжденіямъ. Вы какъ смотрите на славянскій вопросъ?

— Собираясь писать въ «Русскомъ Словѣ», я совсѣмъ о славянскомъ вопросѣ не думалъ. Вѣдь это же малая и даже очень малая пресса.

— Вы не москвичъ?

— Нѣтъ.

Шараповъ презрительно пожалъ плечами.

— И вы хотите работать у меня?

Меня взорвало.

— Не у васъ лично,—прервалъ я его:—а въ «Русскомъ Словѣ». Издатель Сытинъ только что сказалъ, что радъ моему сотрудничеству.

— Пусть онъ въ такомъ случаѣ сдѣлаетъ васъ даже редакторомъ, а мнѣ его мнѣніе необязательно. Вашихъ статей я не напечатаю. Хотите знать почему?

Помолчавъ минуту, онъ, стуча рукою по столу, сказалъ:

— Въ тонѣ бульварнаго листка я «Русское Слово» вести не намѣренъ. Дѣло надо вести серьезно. Завѣты, которые я вынесъ изъ аксаковскаго «Дня», и теперь дороги для меня. Вы въ этомъ духѣ писать не можете?

— Нѣтъ, не могу.

— Тогда о чемъ же намъ и разговаривать?

Разговаривать дѣйствительно больше было не о чемъ, и я ушелъ.

Въ пріемной остановилъ меня Сытинъ.

— Ну, что? поладили?

— Чистая отставка. Говорить, съ вашимъ мнѣніемъ онъ считаться не намѣренъ. У него аксаковскіе завѣты.

— Зарѣжетъ онъ «Русское Слово». А къмъ его замѣнить? Не къмъ.

Замѣнилъ Шаранова, однакоже, и очень скоро, кажется, Дорошевичъ, который хорошо повелъ газету, хотя и далеко не въ аксаковскомъ духѣ.

Была еще у меня работа у Казецкаго въ «Русскомъ Листкѣ» (нынѣ «Раннее Утро»). Всѣмъ распоряжался Гакебушъ, онъ очень сочувствовалъ евреямъ и въ еврейско-плутократическомъ мірѣ, до самыхъ поляковскихъ вершинъ, имѣлъ значительныя связи. Казецкому это было на руку, такъ какъ онъ перебивался перепиской и учетомъ векселей. Газета едва дышала. Липскеровы «Новости Дня» захватили въ то время всего московскаго читателя. Съ Гакебушемъ одно время отношенія у меня были удовлетворительныя, пока я не началъ писать противъ московскихъ евреевъ. Ну, тогда, конечно, мы разошлись. Признаю теперь, что это было съ моей стороны совершенная и ничѣмъ не оправдываемая неосторожность, даже болѣе того. Евреи сильны вездѣ, а въ Москвѣ были сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо: интересы московскихъ купцовъ и евреевъ въ дѣлѣ сбыта завали п разнаго плохого товара какъ разъ совпадаютъ. И ужъ, конечно, не такому слабому изданію, какъ «Русскій Листокъ», и не такому рыцарю, какъ присяжный повѣренный Казецкій, было кстати и по силамъ начинать борьбу съ еврейскими банками и безчисленными представителями еврейскаго торгово-промышленнаго класса, заполонившими все московское общество. Мои выпады противъ еврейскаго засилья прошли въ «Русскомъ Листкѣ» положительно по недосмотру Гакебуша. Но это, разумѣется, долго продолжаться не могло. Въ одно прекрасное утро встревоженный Гакебушъ явился въ редакцію и, бросивъ мнѣ загадочную фразу: «Вы, Станиславъ Станиславовичъ, меня жестоко подвели!» прошелъ въ кабинетъ къ Казецкому и доложилъ: встрѣтилъ онъ на Кузнецкомъ мосту одного изъ директоровъ поляковскаго банка, озадачившаго его фразою:

— Какая это шельма пишетъ у васъ въ «Листкѣ» клеветы на евреевъ? Передайте Казецкому, что если онъ не выгонитъ этого писаку изъ редакціи, то ни одинъ его вексель у насъ не пройдетъ.

Надъ бѣднымъ Казецкимъ буквально разразился громовой ударъ. Лишиться кредита въ банкахъ значило обанкротиться.

— Чьи это статьи?—завопилъ онъ, принимаясь драть свои пышныя бакенбарды, которыми такъ гордился.

— Окрейца.

— Сумасшедшій! Какъ же вы ихъ пропустили! Но я не намѣренъ ссориться съ Поляковымъ и К^о изъ-за его глупостей. Попросите г. Окрейца ко мнѣ.

Казецкій былъ человѣкъ учтивый. Какъ присяжный повѣрен-

ный, онъ артистически умѣлъ гладко стлать тому, кому потомъ приходилось жестко спать.

— На полгода исчезните изъ нашей редакціи,—говорилъ онъ мнѣ, нѣжно пожимая мою руку.—А тамъ увидимъ. Я теперь не могу васъ у себя оставить. Редеръ, Мечъ и много у меня іудеевъ, сейчасъ донесутъ.

XV.

Къ довершенію несчастья въ это же время я захворалъ дифтеритомъ. Отмѣчу, что въ это скорбное время мнѣ помогъ Литературный фондъ, выславъ сто рублей. Выздоровливая отъ болѣзни, я на досугѣ написалъ «Уголокъ возстанія» и отправилъ въ «Историческій Вѣстникъ». Съ Шубинскимъ я не былъ знакомъ и, признаюсь, сильно сомнѣвался въ принятіи моей статьи. Тѣмъ сильнѣе меня обрадовало письмо Сергѣя Николаевича Шубинскаго, мелкимъ, бисернымъ его почеркомъ написанное, въ которомъ онъ обѣщалъ напечатать «Уголокъ возстанія» и приглашалъ сотрудничать.

Пришлось уйти изъ «Русскаго Листка».

Положеніе мое все же было не изъ розовыхъ: деньги Литературнаго фонда и часть гонорара за «Уголокъ возстанія» пошли частью на лекарства, частью были прожиты. А дальше? Пришлось искать хлѣба. Совершенно экспромптомъ я зашелъ въ московское губернское акцизное управленіе.

— Вамъ что надо?—спросилъ меня молоденькій чистенькій чинуша.

— Кто у васъ управляющій?

— Ну, Александровъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ. А вамъ онъ на что?

— Хочу просить мѣсто сидѣльца въ казенной винной лавкѣ.

Чинуша присвиснулъ:

— Не получите. У него до сотни кандидатовъ. Да сами-то вы кто?

— Отставной литераторъ. Передайте мою карточку управляющему и доложите.

Чинуша пожалъ плечами, повторяя свое:

— Ничего не получите. Сто кандидатовъ раньше записалось.

Признаюсь, я и самъ то же думалъ.

Дверь кабинета управляющаго отворилась, вышелъ полный, круглаго склада господинъ въ золотыхъ очкахъ, держа мою карточку въ рукахъ.

— Вы Окрейцъ, тотъ самый, что издавалъ газету «Лучъ»?

— Тотъ самый,—отвѣтилъ я.

— И хотите къ намъ въ сидѣльцы? А литература?

— Не кормить.

— Я, г. Окрейць, на вашъ «Лучъ» подписывался. Хорошая была газета. Въ «Наблюдателѣ» ваши были статьи?

— Мои.

Подумавъ съ минуту и освѣдомившись, велика ли у меня семья, Александровъ распорядился:

— Записать губернскаго секретаря Окрейца первымъ кандидатомъ и дать ему первую открывшуюся лавку.

Черезъ двѣ недѣли я получилъ лавку въ Хамовникахъ, получилъ около девяноста рублей въ мѣсяцъ (тутъ и па помощника) при готовой квартирѣ. Жить было можно.

Но... проклятое «но». Помощникъ мой, слейный мѣщанинъ Трифановъ, растратилъ вино и черезъ восемь мѣсяцевъ я бросилъ лавку, и залогъ, положенный за меня родственникомъ, 600 р. пропалъ.

Отъ времени моего пребыванія въ винной лавкѣ остались у меня очеркъ «Винная лавка №000», наблюденія и замѣтки о пьющихъ москвичахъ и еще кое-какія работы. Когда-нибудь я ихъ напечатаю.

Черезъ нѣсколько домовъ отъ моей лавки былъ домъ Льва Николаевича Толстого. Пославъ ему мою книгу «Далекіе годы», я получилъ приглашеніе въ 7 часовъ вечера быть у великаго писателя. Многие описывали толстовскій деревянный хамовническій домъ. Повторять этого не буду. Кратко скажу: дворъ, садикъ, входъ со двора въ средней величины комнату перваго этажа,—вотъ что я нашелъ, прийдя въ первый разъ къ Толстому.

Въ комнатѣ было холодно и какъ-то пахло нежилымъ.

Пришлось обождать. Много мыслей толпилось въ моей головѣ: какой-то онъ теперь?

Я мимоходомъ видѣлъ Толстого въ Петербургѣ на улицѣ въ 60-хъ годахъ. Молодого блестящаго писателя. Это было послѣ войны. Больше двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло—чуть не полжизни. «Война и миръ» увлекли меня, кромѣ его философской теоріи и попытокъ изобразить Наполеона ограниченнымъ, а Кутузова—великимъ.

Но, конечно, не въ исторической части «Войны и мира» вся сила. «Анна Каренина» понравилась мнѣ меньше, и только что вышедшее тогда «Воскресеніе» и совсѣмъ не понравилось. Но, однакоже, черезъ нѣсколько минутъ я увижу человѣка, котораго имя наполняетъ всю Россію. Это меня очень энервировало.

— Пожалуйте! графъ васъ ожидаетъ,—сказалъ мнѣ нѣкто, не то домочадецъ, не то лакей. По деревянной лѣстницѣ съ поворотомъ я поднялся во второй этажъ и очутился въ узкой длинной комнатѣ, очень просто, даже бѣдно меблированной. Левъ Николаевичъ, сидѣвшій у письменнаго стола, привѣтливо всталъ и подаль руку.

Старикъ, сторбленный, въ темной рабочей блузѣ, съ морщинистымъ лицомъ и жиденькой бородою,—вотъ какимъ онъ стоялъ предо мною. Ничего похожаго на молодого Толстого, какимъ я ви-

дѣлъ его на улицѣ лѣтъ двадцать тому назадъ, глаза маленькіе, зоркіе, безпокойные; руки старческія, большія, морщинистыя.

Мы сѣли.

— Я теперь занятъ религіознымъ вопросомъ,—началъ Толстой.— Вы какъ въ этой сферѣ?

Въ «этой сферѣ» я былъ плохъ. Разговоръ съ моей книжн, которую онъ уже успѣлъ просмотрѣть и одобрилъ, перешелъ на театръ, на пьесу Чехова «Дядя Ваня».

— Пьеса плохая,—рѣшилъ Толстой.—Герой въ ней за что-то безъ толку придирается. Это даже не пьеса. Былъ разъ, едва досидѣлъ, уѣхалъ. Драмы нѣтъ, а если нѣтъ драмы, нѣтъ и пьесы.

Много еще говорилъ Толстой о Художественномъ театрѣ и излюбленныхъ пьесахъ этого театра и вдругъ неожиданно спросилъ:

— Читали вы мое «Воскресеніе»?

— Читалъ. Плохо вы, Левъ Николаевичъ, написать не могли.

— А лучше могъ бы? Такъ, что ли? Ошибаетесь, «Воскресеніе» я ставлю высоко.

Рѣчь его полилась потокомъ. Толстому, очевидно, хотѣлось защитить свое «Воскресеніе», на которое уже нападали въ журналахъ и газетахъ.

Мнѣ приходилось молчать. Великій писатель говорилъ такъ быстро и главное такимъ рѣшительнымъ тономъ, что никакой реплики вставить было невозможно.

Во время нашей бесѣды (около часу) за притворенными дверями сосѣдней комнаты раздавался громкій, зычный чей-то басъ. Иногда онъ даже заглушалъ нашу тихую бесѣду. Замѣтивъ, что я прислушиваюсь къ громогласному разговору, Левъ Николаевичъ съ улыбкою замѣтилъ:

— Ко мнѣ пріѣхалъ изъ Петербурга знакомый Стасовъ. Онъ всегда такъ говоритъ. Вы знакомы?

— Никогда не встрѣчалъ, но читать—читалъ его статьи.

Изъ комнаты, гдѣ ораторствовалъ Стасовъ, вышла полная, высокая дама—Софья Андреевна Толстая—и пригласила насъ пить чай. За чаепитіемъ Толстой все больше молчалъ, а говорилъ,—правильнѣе кричалъ, одинъ Стасовъ.

Недѣли три спустя, я снова былъ у Толстого. Его интересовали, какъ онъ говорилъ, религіозные вопросы, а именно въ тѣ поры я увлекался своей собственной выдѣлки теоріей о происхожденіи религіи. Теперь мнѣ даже смѣшны эти увлеченія, но тогда было иное: передать мои мысли Толстому мнѣ очень желалось. И я отправился къ Толстому съ моей тетрадкой, какъ обычно, въ седьмомъ часу вечера.

Толстой терпѣливо выслушалъ мое чтеніе.

Подробно излагать сущность моей теоріи о происхожденіи религіи не стоитъ. Выясню только самую суть моей идеи.

Человѣкъ существо трехъ измѣреній (высота, ширина и глубина) или, другими словами, обладаетъ представленіемъ: прошедшаго, настоящаго и будущаго.

У животныхъ только два представленія: прошедшее и настоящее. Понятія о будущемъ у нихъ нѣтъ, а потому нѣтъ и прогресса. Насѣкомыя, пресмыкающіяся, рыбы—существа одного измѣренія: у нихъ только настоящее. У разумнѣйшихъ животныхъ разумъ и пониманіе иной разъ почти равны человѣческому; слонъ умнѣе бушмена. Но глупый бушменъ, ведущій почти растительную жизнь, имѣетъ религіозныя представленія; у умнаго слона или гориллы нѣтъ и слѣдовъ какого-либо религіознаго представленія.

Причина тутъ та, что у нихъ нѣтъ третьяго измѣренія, нѣтъ идеи будущаго. Только идея будущаго родитъ прогрессъ и идею религію. Настоящее: мы живемъ.

Будущее: что будетъ за гранью этой жизни? Разрѣшая этотъ вопросъ, человѣкъ и создастъ религію.

Вysłушавъ мою теорію, Левъ Николаевичъ задумался и, медленно отчеканивая слова, сказалъ:

— Это очень оригинальная теорія: идея о будущемъ родитъ религію. Другіе выводили религію изъ страха. Человѣкъ испугался грома и пришелъ къ мысли, что тамъ есть кто-то гремящій. Ваша теорія совсѣмъ не разработана, и едва ли животныя не имѣютъ понятія о будущемъ. Бобры, на примѣръ, запасаются на будущее. Впрочемъ, развивайте ваши идеи.

Больше я Толстого не видѣлъ. Онъ скоро уѣхалъ изъ Москвы, а я сдалъ лавку и поспѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ дышится много легче, чѣмъ въ Москвѣ.

XVI.

Приѣхавъ въ Петербургъ, я первымъ дѣломъ отправился знакомиться съ Сергѣемъ Николаевичемъ Шубинскимъ въ одинъ изъ его пріемныхъ дней. Засталъ у него давнюю знакомую Соколову со множествомъ тетрадокъ своихъ воспоминаній и Захарына-Якунина, безъ всякихъ рукописей, но съ желаніемъ получить авансъ. Много было тутъ разсужденій добрѣйшаго Сергѣя Николаевича о неодобреніи Сувориннымъ выдачъ авансовъ, но въ концѣ концовъ авансовая ассигновка все же была выдана. Мелкимъ почеркомъ писался ордеръ въ контору и жаждающій аванса Якунинъ ушелъ удовлетворенный.

Сергѣй Николаевичъ въ своемъ сюртукѣ-халатикѣ, добродушно улыбаясь и посмѣиваясь, игралъ среди своихъ сотрудниковъ роль добраго дядюшки.

— Что вы дѣлали въ Москвѣ?—спросилъ онъ меня.

Я разсказалъ.

— И въ лавкѣ торговали водкой?

— Торговаль и проторговался.

— О Толстомъ вы мнѣ что-нибудь напишите. А теорію вашу о трехъ измѣреніяхъ бросьте. Что вы думаете дѣлать въ Петербургѣ?

— Получилъ заказъ писать романъ для «Земщины» для фельетоновъ.

— Пишите лучше воспоминанія. Вы много и много видѣли. Вотъ Александра Ивановна мнѣ принесла свои воспоминанія; очень интересно.

У Сергѣя Николаевича впоследствии бывалъ я рѣдко, такъ какъ ради дороговизны квартиры поселился въ Павловскѣ. Всегда онъ былъ отзывчивъ, ласковъ и привѣтливъ; всегда торговался съ выдачами авансовъ и всегда ихъ разрѣшалъ. Когда онъ былъ опасно боленъ, я жалѣлъ его, какъ самаго близкаго родного. Добрый, умный, ласковый былъ человѣкъ незабвенный Сергѣй Николаевичъ Шубинскій.

У Шубинскаго была великолѣпная библіотека, но получить изъ нея нужную книгу оказывалось подвигомъ далеко не легкимъ. Что касается полученія дарового экземпляра «Историческаго Вѣстника», то это было и вовсе не мыслимо.

— Контора и мнѣ отпускаетъ одинъ даровою экземпляръ,—говорилъ Сергѣй Николаевичъ.

Ужъ не знаю, правда ли это. Но оттиски нашихъ статей, мы, сотрудники, всегда получали аккуратно.

Въ трудныя времена я всегда получалъ авансъ и разъ какъ-то задолжалъ конторѣ болѣе четырехсотъ рублей. Умеръ Шубинскій, когда меня уже не было въ Петербургѣ. Миръ праху твоему, человѣкъ добрейшій изъ добрыхъ.

XVI.

Я подхожу къ концу моихъ литературныхъ встрѣчъ и знакомствъ. Остается сказать о моемъ изданіи журнала «Рѣчь». Право, курьезно: я издавалъ «Лучъ», и теперь кто-то издаетъ «Лучъ»; я издавалъ «Рѣчь», приостановилъ, уѣзжая въ Одессу, и, возвратившись, что же нахожу: Гессенъ и Милуковъ издають «Рѣчь». Чтобы выдумать самимъ что-либо, а не перехватывать чужое. Еще объ этомъ перехватываніи чужого. Пользовался я долго (лѣтъ десять) псевдонимомъ Ното Novus—и вотъ Кугель подъ шумокъ присвоилъ себѣ мой псевдонимъ. Но возвращаясь къ моему совершенно неосновательному предпріятію издавать еженедѣльный журналъ «Рѣчь». У меня вовсе не было денегъ, даже на порядочную рекламу, были только старые адреса «Луча». По нимъ я разослалъ объявленія и въ половинѣ января имѣлъ 800 подписчиковъ. Издатель, редакторъ, сотрудникъ, корректоръ—все это былъ я самъ и никого больше.

— И хватаетъ васъ?—спрашивалъ меня, посмѣиваясь, Шубинскій.

— Пока что, еще хватаетъ.

— Да вѣдь толку не будетъ? Ежедневное изданіе безъ иллюстрацій не пойдетъ.

— Тамъ видно будетъ,—отвѣчалъ я. Самоувѣренности было у меня много.

Весь вопросъ заключался въ типографскомъ кредитѣ. Печаталъ я мѣсяца четыре въ типографіи жандармскаго штаба. Нынѣ покойный уже Дедюлинъ на мою просьбу кредитовать до новой подписки благодушно отвѣтилъ:

— Кредита открыть вамъ не могу, а смотрѣть сквозь пальцы на неплатежъ—это я могу.

Но насталъ конецъ и этому списхожденію. Смотритель типографіи мнѣ посовѣтовалъ попробовать счастья въ типографіи министерства внутреннихъ дѣлъ. «Тамъ съ вамъ заключать условіе, и вы дотянете до новаго года».

Я такъ и поступилъ. За августъ и сентябрь я уплатилъ сполна, а за остальные мѣсяцы рассчитывалъ на кредитъ. И все пошло прахомъ. Не прошло и половины октября, какъ меня пригласилъ вице-директоръ.

— А мы вашу газету печатать не можемъ,—категорически заявилъ онъ:—и не только въ кредитъ не будемъ печатать, но и за наличныя.

— Да почему же, ваше превосходительство?—удивился я.

Его превосходительство, впрочемъ, очень любезное (даже папиросу предложилъ мнѣ), лукаво улыбнулся и досталъ изъ столика нѣсколько моихъ злосчастныхъ нумеровъ «Рѣчи».

— Вы въ этомъ номерѣ жестоко разносите евреевъ,—началъ онъ.—Ну, нечего. А вотъ въ этомъ? Тоже рѣчь о евреяхъ, и язвительная рѣчь. Въ слѣдующихъ нумерахъ все то же. Ваша «Рѣчь»—филиппика противу части населенія имперіи, призывъ къ бойкоту, а то и хуже.

— Не отрицаю вполне вашего заключенія. Но это уже дѣло цензуры.

— Цензуры одной, а не департамента? Такъ вы полагаете. Я думаю иначе. Подъ вашими нумерами стоитъ: печатается въ типографіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Мы печатаемъ, выходитъ, одобряемъ то, что вы пишете. Большую публику не переувѣришь. А этого допустить нельзя, съ ноября мы вамъ журналъ печатать не будемъ.

Я сослался на условіе.

Вице-директоръ пожалъ недоумѣвающе плечами.

— Судиться думаете съ нами?

— Нѣтъ, я въ судъ не подамъ.

— Да поймите, господинъ издатель, это не капризъ, не взбалмошное распоряженіе, а я не могу иначе поступить. Жалѣю васъ, а распоряженія не отмѣню.

Какъ я узналъ потомъ, нѣкто, писавшій прежде у Липскерова въ его «Новостяхъ Дня» и попавшій въ министерство, устроилъ для меня этотъ камуфлетъ.

Съ 1 января я свою «Рѣчь» пріостановилъ и уѣхалъ на даровую квартиру въ Одессу, въ Пушкинскій пріютъ. Когда началась революція (вѣриѣс—глупые беспорядки), еврей, подъ страхомъ смерти, выкурили меня изъ Одессы. Снова пришлось вернуться въ Петербургъ.

Сергѣй Николаевичъ Шубинскій, увидя меня, посмѣялся:

— Не усидѣли въ Одессѣ?

— Не усидѣлъ.

— А теперь какъ дѣла?

— Ничего нѣтъ. Сажу на холодной дачѣ.

— Это въ ваши-то годы! Неумно.

Подумавъ, онъ взялъ карточку и написалъ ордеръ выдать мнѣ сто рублей.

— Ну, тамъ напишете что-нибудь,—пожимая руку, сказалъ онъ, когда я уходилъ.

А не дай онъ мнѣ этихъ денегъ, я ужъ и не знаю, что бы со мной было. Когда открылась газета «Русское Государство», я получилъ работу, но съ уходомъ Витте газета была пріостановлена. Замѣнившая ее «Россія» подъ редакцію Сыромятникова напечатала три или четыре мои статьи. Но тутъ я опять паткнулся на человѣка, выжившаго меня изъ типографіи министерства. Сотрудничество мое оборвалось.

Увидѣтъ Сыромятникова и переговорить съ нимъ мнѣ не удавалось. Да о чемъ было бы и говорить. Плетью обуха не перешибешь, а «черномазый» въ редакціи «Россіи» былъ сила, великая сила.

О томъ, съ кѣмъ я встрѣчался послѣ 1906—7 годовъ, писать еще рановато.

С. С. Окрейцъ.

